2,3.
R 86/265
29 94
R 86/265

В. Н. ШУЛЬГИН

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА ШКОЛЫ И ПРОГРАММЫ ГУС'а

Издание четвертое

Допущено Научно-педагогической секцией
Государственного ученого совета

29-21851

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»
МОСКВА 1929

«Мосполиграф», 14 тип.
Варгунихина гора, 8.
Главлит № А 29000. Тир.5000.
Зак. № 676. Фосп. № 152.

«Философы лишь об'ясняли мир так или иначе, но дело заключается в том, чтобы его изменить».

К. Маркс.

«Ничего не стоит никакая школа, никакой университет, если нет практического уменья».

Ленин.

«И вот поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно *все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день* в *любой* деревне, в *любом* городе молодежь решала *практически* ту или иную задачу *общего труда, пускай самую маленькую*, пускай самую простую».

Ленин.

I

«Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это — полный разрыв книги с практической жизнью». Что это значит? Это значит не только то, что книга зачастую в самом увлекательном виде рассказывала о том, что не было ни увлекательно, ни хорошо, что книга замаскировывала истинную сущность буржуазного общества, но и то, что не было уменья взять *и* из хорошей, *нужной книги* необходимые знания и *применить их на деле*, данных конкретных условиях. Этому *никогда* не учила школа. Это было характерной чертой для всей школьной работы прошлого — это продолжает быть отличительной чертой подавляющего количества школ настоящего. Школа не умеет связывать, не связывает получаемые ребятами знания с практикой, с потребностями дня; больше того — не связывает их с той работой, которую ведет сам ребенок. А между тем все интересы, запросы, сомнения ребят вырастают из *этой практики, в связи с ней*. А она, эта практика, очень разнообразна и велика. Велика и разнообразна и та работа, которую ведет деревенский ребенок. Вот как о ней рассказывает Рыбаков, ученик Кривской школы Калужской губернии. Его спросили, что он делает дома, и он отвечает:

«Сапоги чиню, картошку набираю, самовар ставлю, печку затопляю, лошадь запрягаю, поросятам стелю, гнезда курам плету, сено скидываю, картошку тру, учальники делаю, лампу зажигаю, поросятам свечу, дрова таскаю, жеребенку картошку режу, лоханку корове выношу, снег со двора скидываю, рожь с печки ссыпаю, картошку чищу, полы мету, к ухвату ручку делаю, трепалку делаю, к топору ручку делаю, салазки, лыжи делаю, дрова пилю, ножи точу, солому рублю, лошадь пою, закуту делаю, силки ставлю, кур на дворе сгоняю, за водой хожу, коров на двор сгоняю, с окон стираю, кровать делаю, толкач делаю, лопатку делаю, за бушмой хожу, к сундуку скобку делаю, самовар ставлю, чернила развожу, полку делаю, часы завожу, сапоги мажу, цветы поливаю, нитки сматываю, колодки делаю, к молотку ручку делаю, гвозди вытаскиваю, дратву сучу, стуло делаю,

окна замазываю, на кадку обруч делаю, вешалки прибиваю, к двери петли прибиваю, к самопрялке валы делаю, от двора снег откидываю, сарай запираю, крюки делаю, уроки делаю, трусов кормлю, рукомойник привязываю, навоз скидываю, морковь режу, окна протираю, лампады зажигаю, лоханку корове ношу, соли насыпаю из чулана, поросенка кормлю, лещетки вяжу, колодки для сапог делаю, толкушку для картошки делаю, крючки для шуб делаю, к самопрялке струну делаю, нашест курам устраиваю, дрова таскаю, стол чищу, печку растопляю».

Это в Калужской губернии, а в Раненбургском уезде, Рязанской губ., занятия крестьянского мальчика рисуются так:

«Он пасет лошадь в свободное от работ время, ездит в ночное, караулит корову, телят, сидит в коноплях, отгоняет кур и спугивает грачей с огорода, пасет гусей, иногда носит из леса хворост для топки печи, часто остается домоседом в отсутствии остальных членов семьи, работающих в поле, присматривает за своими младшими братьями или сестренками. Часто его можно видеть просто бегающим по улице, играющим в чижика, или на яблоне в соседнем саду; в огородных работах если и принимает участие, то это участие сводится к выполнению самой малоценной работы — носке воды для поливки гряд» (Толстов, стр. 149).

Вот та работа, которую ведет ребенок, которая рождает у него ряд вопросов, сомнений, беспокойств, волнений, фантазии, творчества.

Но они рождаются также и тем, что ребенок видит и слышит вокруг: разговоры, споры, мнения окружающих взрослых. Но они не приносят слишком много нового, они главным образом касаются тех же вопросов; а они связаны с их трудом, с жизнью, правда, жизнью взрослых, но она не на много сложнее и шире его. К тому же его жизнь вплетается в их жизнь, его работа вплетается в их работу. Это — один сложный клубок. Это неразрывно связано. Ребенок — часть деревни, села, семьи; его работа, быт, жизнь бесконечно связана, вплетена в жизнь семьи, составляет часть их жизни и т. д. Вот почему и игнорировать жизнь села, семьи, деревни — это значит забывать о ребенке, его интересах и нуждах.

Вот почему только та школа, которая врастает в быт, жизнь деревни, помогает перестраивать ее не на словах, а на деле, учитывает кровные интересы ребят, строит свою работу в связи с ними. Все остальное — ложь и лицемерие.

Но этого мало. Такой подход нужен и по другим мотивам. Обрывки знаний, отдельные навыки, никак не закрепленные, никак не использованные, никак не приложимые к делу, быстро исчезают, изглаживаются из сознания. Получается рецидив безграмотности. О чем это говорит? Только о том, что школа не сумела показать, как эти знания нужны для решения основных проблем, которые стоят перед крестьянским, рабочим мальчонкой и девчонкой, не сумела *научить* использовать добытые знания, не добилась того, чтобы они вошли в обиход жизни, стали бы потребностью. Но какой смысл учить то, что «все равно забудешь», то, что не нужно, то, что не умеют использовать? Никакого. И ни шатко ни валко идет работа, быстро забывается усвоенное. И каждого сельского учителя, несомненно, тревожит проблема рецидива безграмотности, каждый сельский учитель, несомненно, стремится к тому, чтобы элементарная грамотность была только исходным пунктом дальнейшей работы, дальнейшего образования. Так пусть же каждый учитель знает, что это достижимо только при одном условии, когда учитель в школе *научит ребят использовать знания для улучшения их жизни, быта, для поднятия их хозяйства, хозяйства республики.* Только тогда они поймут, насколько и зачем это нужно, только тогда они будут все больше и больше пользоваться и этими знаниями и этими навыками. А если этого нет, если это не сделано? Что тогда? Тогда «ничего не стоит никакая школа, никакой университет, если нет практического уменья» (Ленин, т. XVII, стр. 398, О концессиях).

Вот ответ.

Но для того, чтобы так поставить работу, необходимо, чтобы и содержание работы и метод работы в школе были подчинены вырешению данной задачи. В самом деле, сколько ни трудись, а с законом божьим, славянским и латинским языками этой проблемы не решить, и старый режим самым материалом, методами построения работы школы искусственно задерживал не только культурный рост широчайших народных масс, но и хозяйственный рост страны и в первую очередь рост крестьянского хозяйства. Но теперь иное. Наша задача — во что бы то ни стало в ближайшее время поднять хозяйство республики на невиданную высоту, наша задача — не только помогать в этом всем, но и побуждать к этому. Вот почему и *содержание* программы школы дает разнообразнейший и нужнейший материал в этом направлении. Школа изучает *быт, хозяйство*, культурный и политический уровень данного района, деревни, села, города и т. д. Но этого *мало:* она должна помогать им *внести в быт*, в хозяйство *новое, улучшить их.* Только тогда она станет трудовой школой, только тогда

сна осуществит свою задачу подготовить борца за идеалы рабочего класса, строителя коммунистического общества. Делает ли она это?

II

Бесспорно, что массовая школа много сделала и делает в смысле введения в жизнь программ ГУС'а, но это — первые и робкие шаги. Трудности большие: школа слишком бедна, слишком много ребят в группе, слишком много групп на одного учителя, учитель не до конца подготовлен, а иногда во многом и *основном* не согласен с ГУС'ом (правда, таких не много, но все же есть). И вот на сцену появляются уклоны и уклончики: программу ГУС'а пытаются — и не без успеха — проходить *по-старому*. С внешней стороны все благополучно, все на своем месте: есть и «комплексы», и «местный материал», и диаграммы, и даже как будто бы знания у учащихся, а между тем все это только внешность, на самом же деле нет *ничего*. Нет самой *сути*, нет связи с *практическим делом*, нет *практического* изученья, уменья. Школа изолирована, и тем не менее в ней есть программы ГУС'а. Я говорю о так называемых «сидячих комплексах». Что это такое? Родина этого дела и термина — Ленинград, но поклонников и поклонниц у него много. А значит это вот что: комплексы изучаются *по книгам, в классе*. Ребята даже не *обследуют* мастерских, фабрик, заводов, крестьянского хозяйства, не изучают их в натуре, а *читают* о них. Есть и диаграммы и таблицы и т. д. Но все это сделано на основании книжного материала и только. Вот если *так* поставлена работа, *она ни на что не нужна*. Это — уничтожение *сути* программ. Это не значит, что в школе не надо пользоваться книгами, справочниками и т. д. Конечно, надо, и надо уметь это делать хорошо, но этого *слишком мало*, это даже не первый шаг к осуществлению программ ГУС'а. Это — нужное старое. И *только*. Нового, нашего здесь еще *нет ничего*. Разве только материал, да и его опошляют. Разве в старой школе не изучали осень, зиму, весну и т. д.? Разве не говорили ничего о приготовлении к зиме? Говорили... И гусовская программа на очень большой процент *подменяется* практически старой. Даже то, чего, казалось бы, ни подменить, ни исказить нельзя: 1-е мая, Октябрьскую революцию и т. д.,—даже и их умеют многие превратить в такую нудную казенщину, которая убивает самую *суть* праздника; даже из Ленинского уголка умеют сделать иконостас, а в Ленинский день внести такую фальшивую ноту, что ничего не остается, даже из Ленина делают строгого дедушку, какого-то святого аскета, ханжу, которым *устрашают* ребят. Они любят Ленина, они стремятся в своей жизни подражать ему. И детские дома и школа воспользовались этим и не всегда умело. Каждый «проступок» ребенка рассматривается «с точки зрения Ленина»; нельзя ни баловаться в классе, ни разговаривать, ни драться, ни плевать, ни притти с грязными ушами, зубами. руками, чтобы не услышать такое замечание: «а разве дедушка Ленин курил? а разве дедушка Ленин плевал? а разве дедушка Ленин ходил грязный?» и т. д. Разве в этом Ленин? Разве это можно и надо взять из него для детей?

Что же остается при такой воспитательной работе от самой *сути* программ ГУС'а, от самых основных директив? *Ничего*. Так выявляется противоречие. Программа ГУС'а, установка которой ясна, практический подход четок, превращается в руках многих в мертвечину, казенщину. Выполнено все. Есть на-лицо все — и комплексы, и все революционные праздники — и *в то же время* нет ничего. И эти факты не надо скрывать. Наоборот, их надо вскрывать, о них надо чаще писать, надо энергичней бороться с ними. Эта тенденция видна не только в практической работе школы, но она выявляется иногда и в «новой книге», которую некоторые авторы подготовили именно в расчете на вышеуказанную работу школ. Это не случайно. Это неизбежно. Для одних (их немного) это — тонкий способ укрыться от проведения программ ГУС'а, подменить их содержание другим; для других это — робкая попытка подойти к программам, неумение уловить основное, взять суть, и они по самым лучшим мотивам, с самыми лучшими намерениями осуществляют совсем, совсем не то. Надо, наконец, внедрить в сознание *всех*, что до тех пор, пока Ленинский уголок — иконостас, а не место, *где* подводятся итоги тому, что *школа* за истекший период времени сделала для *осуществления* идеи Ленина, что сделали Союз, данный район, село, деревня, где изучают не только основные взгляды Ленина, но понимают, что не уметь на *практике* применять идеи Ленина — значит отвергать Ленина, до тех пор, пока школа на *практике* не будет вмешиваться в реальную жизнь и вносить в нее необходимые изменения, — до тех пор нет никакой социалистической трудовой школы, до тех пор программы ГУС'а не проходятся, не осуществлены. Это — лучший критерий сделанного. Но на пути достижения цели есть ряд этапов.

Обследование. Школа, однако, не остановилась на сидячих комплексах, она пошла далее. Сотни и тысячи школ изучают деревню, село, крестьянское хозяйство, *всамделешнее* хозяйство, серьезно

БИБЛ.

изучают, привлекая к этому необходимый литературный материал, но и здесь беда. Изучают и обследуют многие, но зачем обследуют, зачем изучают — не знают. *Практических* выводов из обследования не делают. И висят на стенах диаграммы, лежат в столах тетради, испещренные местным материалом, а за стенами школы попрежнему идет та же жизнь и попрежнему в нее никак не вмешивается, не втягивается школа. Школа попрежнему в стороне, на отлете. Но так дело долго продолжаться не может. Самый материал обследования, самое изучение фактов, самое прикосновение к живым вопросам хозяйства, быта, их осознание уточняют представления, делают ясным ранее неопределенное, бесформенное, туманное. Вылезают на свет очередные задачи, нужды, недочеты деревни, прорехи ее хозяйства. Вылезают и толкают к практическим шагам, к поискам выходов, будят желание принять участие, вмешаться в реальную жизнь. И неотступно стоят и требуют. Вот почему обследование,— *несомненно*, первый шаг к осуществлению программ. Он с *неизбежностью* приводит к усвоению их смысла, основного их стержня и в то же время ставит учителя и школу перед *неизбежностью*, *необходимостью*, *неотложностью вмешательства в реальную* жизнь в смысле ее *перестройки*, *переделки*, влияния на нее. Это так понятно. Тронь только кусок реальной жизни, загляни хоть немножечко в ее недра — и нахлынут на тебя тысячи неустройств, тысячи задач, требующих, ждущих своего разрешения, и станет перед тобой постоянный вопрос о том, как помочь. Но это — одна сторона. Зашевелилась школа, подошла к основным нуждам, интересам крестьянина, увидел он это и требует помощи, требует указаний и *не уйдет* до тех пор, пока не поможет школа. Вот одна из многочисленных иллюстраций. В одной из школ Московской губ. учитель с ребятами тщательно изучили вопрос крестьянского хозяйства. Собрали в совете данные, использовали агронома, с.-х. литературу, обследовали ряд дворов. Все это изобразили в диаграммах и пришли к выводу, что выгоднее всего иметь крестьянам шестиполье или восьмиполье, а у крестьян нет и четырехполья, так как если кое-кто и сеет клевер, то в правильный севооборот площадь, засеянная клевером, не вошла. Начертили схему шестиполья и восьмиполья. И отправились на сход. Здесь учитель сделал подробный доклад, показал и об'яснил диаграммы, вычерченные ребятами. Ответил на ряд вопросов, заданных крестьянами. Разошлись. А на следующий день большинство ребят попросили диаграммы на дом. Спрашиваю:

«Зачем они потребовались?» — «Да папе очень понравилось, как вы про них вчера рассказывали, и он хочет их посмотреть».

Пришлось раздать диаграммы.

И крестьяне тщательно рассмотрели их дома. На следующем сельском сходе сами крестьяне поставили вопрос о землепользовании и вынесли постановление — немедленно начать работу по подготовке к переходу на восьмиполье.

Ясно, что и дальше потребуется помощь школы, ясно, что и дальше — и через ребят и непосредственно — крестьянин будет обращаться к учителю. Так, вступивши раз на правильную дорогу, школа все больше и больше будет втягиваться в нужды деревни, будет все больше и больше помогать ей. Но это для массовой школы — будущее. В настоящем только немногие школы сумели *так* поставить работу. Но если школа, массовая школа не пошла навстречу деревне, то пошел учитель. Учитель — член волисполкома, кооперации, антирелигиозник, избач и т. д. — не редкость в деревне; теперь это — бытовое явление. И чем больше он завален работой, тем больше прет она на него со всех сторон, так как в деревне ее непочатый край и не разрешит ее одиночка-учитель. Где же школа, где пионеры, где комсомол и женотдел? Почему вместе с ними до конца дружно не разрешает учитель этих проблем? Ведь они стоят и перед ним. Выход ясен. Только *совместными* дружными усилиями можно поднять эту ношу. Это — *очередная задача*. Ее надо разрешить.

III

Но если массовая школа еще не оказывает нужной помощи населению, тем пристальней надо вглядываться в работу тех десятков и сотен школ, которые выполняют эту работу, тем внимательней надо проанализировать их опыт и поучиться у них, а поучиться есть чему. Что же успела сделать школа в смысле помощи населению? Что она должна и может сделать?!

Школа ставит километровые столбы. Начну с элементарного. Наши дороги непроезжи, расстояния не измерены, направления не указаны. И блуждает лишние часы каждый, кто желает попасть в любой пункт от станции. Что же может сделать школа? ряд школ? Почему бы им не заняться увлекательной измерительной работой? Расстояния измерены, направления вычерчены, и школа ставит на дорогах столбики, а, может быть, и верстовые столбы с дощечками и надписями: так нужно пройти в такую-то деревню, от нее столько-то километров. Но этим работа не кончается, надо следить за

тем, чтобы все было в исправности, надо обо всем раньше договориться с советом, с соседними школами, с ребятишками соседних деревень. Какое разнообразие образовательно-воспитательного материала даже в этой, чрезвычайно мелкой, решительно каждой школе доступной и в то же время, *несомненно*, общественно-необходимой работе. Но рядом с ней, вслед за ней или впереди ее могут развертываться и другие работы.

Школа борется с самогоном. Школа разваливается, стекла выбиты, ремонта давно нет, обстановка убогая. «Нет денег на школу», отвечают крестьяне учителю. Престольный праздник. Пьянка, чисто-русская, полумертвецкая. На следующий день дети получают задание узнать, сколько килограммов в семье истрачено на самогон. Через неделю всюду на самых видных местах деревни расклеены диаграммы: «столько-то пропито килограммов во время престола», «столько-то это стоит», «столько-то стоит отремонтировать школу», — и на картинах изображена веселая, с выкрашенной исправленной крышей и окнами школа. Пропито больше. *Пропит ремонт школы.* Это — маленькая картина из практики деревенской школы Тверской губ. Она интересна, она показывает, как просто школа может для крестьян сделать наглядным неясное, толкать их на рациональную трату денег. Темы могут быть различны. Так может вестись агитация за установку радиоприемника, организацию кооперации и т. д. Один плакат: пьяные мужики — и в пудах, в мешках, в деньгах пропитое. Другой: светлая изба, трезвые мужики и бабы слушают по радио речь Калинина, Рыкова, декрет о земельном налоге и т. д. Да почему только речь, декрет? Просто лекцию, просто концерт. Мы можем построить радио. Надо только не пить на праздниках и внести эти деньги. Кооперация даст свой процент. Но можно обойтись и без пьяных *мужиков на плакате*,—все зависит от ряда обстоятельств местного характера. Вообще надо меньше морализовать, больше подходить с чисто деловой, практической стороны.

Школьники секретарствуют на сходе. Вот, Н. И., пришли вы с ребятами к нам на сход, а чтобы помочь нам, — небось, ребята ваши и протокол написать не сумеют.

— Подождите недельку, подготовимся и поможем.

Через неделю первый опыт. Снова сходка. Один из ребят вооружен бумагой и карандашом.

Учитель волнуется:

— На первый раз не судите строго.

— Сами понимаем, учится паренек.

В хаосе распрей удается секретарю выбрать главное, нужное. Готов немного корявый протокол. Мужики довольны.

— Это дело! [1]).

Я беру пока сознательно только *отдельные*, сравнительно незначительные, элементарные работы, но и они имеют большой смысл, большое значение.

Школа отправляется в пожарный сарай. Колеса, трубы примерзли к земле, их не сдвинуть, насос тоже замерз, труба дырявая, бочки нет. Собирается группа школьников обсуждать это дело. Учитель (дело было к весне) предлагает пойти на сход и там сделать доклад.

— Нет, мы не пойдем, нас застукают, да засмеют. Иди сам...

Учитель в сопровождении ребят отправляется к гражданам, восседающим на завалинке, и читает протокол детского собрания. В ответ несется брань — ругается древний старик.

— Это что? Нас мальчишки учить хотят?

Но серьезность темы действует на остальных. Они решительно останавливают «старый строй» и отправляются сходкой в сарай.

— Верно... А кто должен смотреть? Ты?

— Чего ж я? Я был в марте, а теперь апрель...

Разыгрывается обыкновенная деревенская сценка, в которую вмешивается учитель:

— Если хотите, то после починки трубы, школа может взять на себя присмотр за трубой.

— Да чего там, мы и сами будем [2]).

Так в Калужской губернии.

А вот и другой пример, уже из практики деревенской школы Московской губернии. Пожалуй, более убедительный, более яркий, к тому же указывающий на связь с комплексом. «При проработке «Деревня» столкнулись с вопросом о деревенских пожарах. Собрали сведения за последние 10 лет. Оказалось, что в течение 10 лет сгорело столько домов, сколько их было в деревне. Начертили диаграмму. Опять доклад на сельском сходе, и в результате его обсуждения постановление: 1) приобрести пожарную трубу, 2) весной провести день древонасаждения в деревне и 3) организовать общество борьбы с пожарами» [3]).

---

[1]) Адамович. Школа и быт. «Народный Учитель», № 11, 1924 г.

[2]) Шацкий.

[3]) Массовая методическ. работа учителя. «Вестн. Просв.», № 12, стр. 38.

Это достижение и достижение несомненное. Но было бы неверно на этом успокоиться, об этом забыть. Нет, к этому надо возвращаться, надо следить за тем, чтобы постановление было *проведено* в жизнь. Разве у нас мало невыполненных постановлений, неосуществленных намерений? Их много везде. Особенно много в деревне. Работа школы не кончается тем, что вынесено постановление, тем, что крестьяне сагитированы, школа должна довести дело до конца, до осуществления.

Школьная группа осматривает погреба на деревне. «На втором уроке мы ходили в погреб. Нам открыли дверь. Понес тяжелый воздух, гнилью пахнет. В погребе потолок шибко заплесневел, растут грибы, стены тоже заплесневели по углам. Бушма мокрая, теплая, гниет, пускает ростки. Картошки сырые, сверху лежат плесневелые, гнилые. Кадушки с капустой заплесневели. Земля мокрая. Мы открыли погреб. Сперва было душно, тяжко, потом воздух стал освежаться. Было солнышко. Нужно открывать погреб, меньше будет гнить, нужно устроить отдушины».

Хозяйка погреба прибежала в школу и спрашивает у учительницы:

— Ну, что про мой написали?

Ей прочли «оценку».

Она вскрикивает с досадой:

— И дельно, хотела пробить отдушины. Сейчас побегу и сделаю...

А вот еще один пример такой же работы.

«Костенское стадо (деревня Костенка) пасется на лугу за речкой. Крестьянам приходится ходить в стадо за лошадьми и на полдни. Если костенским ходить по прямому пути, до луга будет ¼ клм. Но прямо ходить нельзя — мешает речка, и они ходят в обход на Огубские лавы (мосты). Это составляет в четыре раза больше, чем по прямому пути. В лето им приходится пройти, примерно, 120 раз. Каждый раз они делают на ¾ клм. лишних. А один домохозяин сделает в лето лишних 90 клм. Если брать рабочий день за 30 клм., то каждый должен потратить три рабочих дня. Если бы костенские поставили лавы через речку в 20 м. длины, то потребовалось бы, по нашему расчету, по 1 дню на каждый дом, потому что в Костенке 20 домов. А 20 человек, даже не спеша, построят лавы в один день. Поэтому они получат выгоды 40 рабочих дней в лето».

Разве у нас мало таких моментов, разве это нельзя осуществить в любой школе? А сколько школ так работают? Каждая школа

должна воспользоваться такими случаями и предпринимать необходимые меры для передвижки дела на новые рельсы (Шацкий. — «На путях», № 6, 1924 г.)

Школа мостит улицу. В одно из воскресений все учащиеся с педагогом и инструктором устроили воскресник для починки дороги и уборки деревни от мусора. Дружно вышли учащиеся на работу с подводами, лопатами и метлами и в течение трех часов вымели всю деревню, вывезли мусор в лес, перемостили привезенными камнями размытую дорогу, прорыли и прочистили канаву.

Школа тушит лесной пожар. Учащиеся были на работе в поле, когда раздался набат, и они увидели недалеко от деревни. над лесом, облако дыма. Бросив работу, они с лопатами и топорами побежали за полторы версты на помощь. В течение двух часов пожар был ими ликвидирован с помощью соседнего детского дома. Из крестьян, казалось, наиболее заинтересованных, никто в тушении пожара не принял участия, что доказывало проявление слабой общественной организации.

Школа ведет наблюдение и предсказание погоды. Проводимая в учхозе уже 2-й год систематическая учебная работа по метеорологии и предсказания погоды по местным признакам — главным образом, по форме, виду, высоте облаков, окраске их и неба — по таблицам проф. *Броунова*, — подкрепляемые метеорологическими наблюдениями с помощью приборов [1]), были также использованы нашими учащимися, как один из видов помощи крестьянам.

У ворот учхоза на специальной доске ежедневно вывешивались результаты дневных наблюдений и предсказания погоды на следующий день.

Доверие и интерес к этим наблюдениям и предсказаниям погоды были вызваны у крестьян случайным обстоятельством еще в прошлом году. В одну из суббот во время сенокоса по всем нашим наблюдениям ясно было приближение циклона. На вечернем общем собрании учащихся было решено с утра в воскресенье отправиться на луга и сложить сено в копны. В воскресенье утром хотя было солнце, но признаки приближающегося циклона усилились, учащиеся со своими руководителями отправились на сенокос. Пришлось проходить мимо деревни; группа крестьян отнеслась к появлению воспитанников с граблями иронически, насмешливо спрашивая, не хотят ли они их приучить работать по воскресеньям; учащиеся спокойно отвечали, что будет

---

[1]) В учхозе устроена метеорологическая станция.

дождь, и продолжительный, поэтому надо собрать сено в копны. Эти ответы вызвали еще большие насмешки. Но к обеду все небо покрылось тучами, а к вечеру пошел дождь и продолжался с небольшими перерывами в течение недели...

В учхозе сено было собрано довольно хорошее, а у крестьян было сильно попорчено (И. Челюсткин, стр. 118—119 «На путях к новой школе», № 2, 1925 г.).

Но этого мало.

Школа борется за введение гигиенических навыков и борется успешно. «После проработки темы «Охрана здоровья» в младших группах и подтемы «Водоснабжение» в старших ребята стали требовать, чтобы дома открывали форточки и проветривали помещение, чтобы посуда для воды, для молока, чайная и столовая всегда была чистая и сухая. Кроме того, ребята стали тщательно мыть руки, лицо, шею, уши, одеваться опрятнее и чище.

На общем ученическом собрании вынесли постановление, чтобы в школьном кооперативе продавались не только письменные принадлежности, но и зубные щетки, зубной порошок и т. п.».

Это в деревне Московской губернии.

А вот что происходит в Рязанской губернии.

«Санитарная комиссия следила не только около школы, но во всей деревне, чтобы было везде чисто. Когда весной около колодца стал таять снег, санитарная комиссия сделала постановление, чтобы очистить от колодца. Мы по приказанию комиссии вооружились, кто чем может: скрябкой, лопатой, ломом, топором и пр. и очищали от общественных колодцев. Еще санитарная комиссия следила, в каких домах болеют тифом; санитарная комиссия об'являет, чтобы из этого дома не ходили в школу до тех пор, пока все не поправятся, тогда может ходить этот ученик. Когда в деревне появилась болезнь, санитарная комиссия обратилась к сельскому совету, чтобы привезти врача, который бы определил болезнь, которая появилась в деревне» (Толстов).

Та же картина и в Калужской губернии:

«Задачи были такие: дети приходят в школу с чистыми руками, затем моют хорошо шею, стригут волосы, чистят платье, обувь, верхнюю одежду, убирают класс без пыли, проветривают комнаты, перед едой моют руки, полощут рот, чистят уши, наводят чистоту и порядок дома, борются с насекомыми (была эпидемия сыпного тифа), дают сведения о больных, приглашают врача и т. д. Для перваков основной задачей была личная гигиена, для втораков — гигиена семьи, для третьяков — санитария деревни и для последних групп — общественная санитария. Но в общем, оказалось, что личные навыки пришлось прививать всем. Для первого года и это хорошо.

Что же оказалось? Дети всех возрастов пошли с большой охотой на это дело. Забавно было глядеть, как при входе в школу ребята протягивали свои руки и требовали, чтобы им было сказано, так ли они сделали, как надо: «Нет, ты на ногти посмотри — вишь все выскреб». Контроль все признавали весьма охотно. Сначала контролировал учитель, потом дежурные, а затем ввелся обычай контролировать и самого учителя, и в этом случае он был своего рода живым наглядным пособием. Этот контроль был особенно тщательным: ученики не пропускали ни одного пятнышка, ни дырки. Учителям, кажется, самим пришлось сильно подтянуться.

Деревня приняла новость в общем доброжелательно. Говорили: «Вы, значит, хотите не только грамоте учить, а и как жить... Что же, может, наши дети поживут по-людски. Это вы дело задумали».

Но работа может быть развернута и дальше. Школа поставила себе такие задачи: 1) уборку и уничтожение свалок отбросов и нечистот на улице, по дорогам, у сараев, амбаров и на речке, 2) зарывание трупов павших животных, 3) охрану воды колодезной и речной, 4) распространение санитарных сведений и их пропаганду при помощи стенной газеты.

Школа предложила детям записаться в санитарный отряд, разделила деревню на 4 части, назначила санитарных наблюдателей, сделала двое носилок и начала действовать. Обошли всю деревню и отметили все непорядки. Затем по намеченному плану стали работать. Выкопали несколько ям, куда стали сносить выброшенных на задворки животных зимой. Многие совершенно разложились. Процессия детей во главе с пожилым учителем, вооруженная лопатами, граблями и носилками, возбудила большую сенсацию. Говорили:

«Эта работа нас пристыжает... Не ребятам бы делать такую работу, а нам самим».

Были любопытные случаи, когда отряд обращался к некоторым гражданам с просьбой разрешить убрать кучу мусора или навоза на улице перед домом. Граждане, слегка сконфузившись, охотно помогали «детям» (Щацкий).

Но и на этом не исчерпывается работа школы.

Школа строит мост. Вот как об этом рассказывает товарищ Клосен:

«После первой недели знакомства с деревней было выяснено, что крестьяне нуждаются в помощи при постройке нового моста взамен старого. Обсудив этот вопрос предварительно с детьми, решено было приступить к постройке его, причем эта работа была введена дополнительно к общему плану летней программы и велась под руководством преподавателя математики.

После осмотра места будущих работ (местонахождение моста) и небольшой подготовки, главным образом организационного характера, было приступлено к постройке моста.

Старый мост находился в конце деревни на средней дороге, по которой прогоняли скотину к выгону и обратно: он перекрывал небольшую канаву и от времени сильно обветшал, бревна погнили и требовали замены новыми. Небольшие размеры его и сдвинутое положение относительно оси дороги создавали неудобство при прохождении большого стада, почему часть скотины обходила его мимо и производила порчу дороги.

Рядом с мостом лежал деревянный материал, доставленный крестьянами из леса. К работе сами крестьяне приступить не могли, мешала страдная пора (покос). Они высказывали пожелание, чтобы новый мост перекрывал почти всю ширину дороги (11 метр.), а также, чтобы вода не застаивалась около моста. После тщательного осмотра места будущих работ было решено прорыть боковые канавы для отвода воды и строить мост немного большего размера, чем старый. Для выполнения этих работ крестьяне давали весь необходимый инструмент (лопаты, топоры), а, кроме того, часть инструмента мы имели свои.

Первая партия ребят с помощью лома и лопат быстро (в 15 минут) и бойко разобрала старый мост и на руках отнесла гнилой материал в сторону, после чего приступили к разбивке на земле направлений и размеров канав [1]), а затем начались земляные работы. Вся длина канавы была разделена на три части: 1) центральная канава и 2) две боковые водоотводные канавы. Эта работа подвигалась весьма успешно вперед благодаря увлечению и старанию ребят. Большинство ребят копание земли производило босиком, поэтому пришлось работу вести осторожно, но задержки в ней не происходило.

Одновременно с копанием центральной канавы шла отрывка земли для мест под лежни, для чего предварительно была произведена соответствующая разбивка. После укладки их на свои места с двух сторон каждого лежня вбивались по три пары колышков для лучшего

[1]) Пользование измерительной лентой и колышками.

удержания их на месте лежания. Когда центральная канава была доведена до нужной глубины, приступили к плетневой работе, т.-е. устроили плетневый забор из кольев и хвороста с ивняком вдоль двух стенок канавы, как средство предохранения боковых стенок канавы от разрушения и размыва. В этом деле ребята сами подразделили работу на части: одна группа детей отправилась в лес на рубку ивняка и собирание хвороста; другая заготовляла из жердей колья, предварительно сделав расчет их, выполняла разбивку и производила забивку кольев, после чего общими силами сделали оплетку и засыпку землей узкого пространства между плетнем и стенками канавы. Одновременно с этой работой велась работа по подготовке бревен для покрытия поверх поперечин.

Для соединения поперечины с лежнями выбрали самый несложный способ, так назыв. «в обло», для чего в одном бревне делается неглубокая зарубка, равная ширине бревна, с которым нужно сделать соединение.

До зарубок каждая поперечина была уложена на свое место поверх лежней, пригнана к месту, замечены были места для зарубок и после того, получив точно ширину и местоположение зарубок, делали зарубку топором. Работа эта ребятами была сделана весьма тщательно, поэтому соединение поперечин с лежнями получилось аккуратным и правильным.

Доставку бревен к мосту ребята производили способом перекатки их при помощи подкладывания кольев. Все плотничные работы дети выполняли самостоятельно, без помощи взрослых людей.

Работа по перекрытию моста бревнами требовала большой аккуратности. Каждый раз при укладке бревна приходилось делать пригонку его относительно поперечин, замечать места зарубок на бревне и на поперечинах и затем делать по 4 зарубки в каждом укладываемом бревне и подтесывать иногда поперечину. В этом случае всю работу пришлось вести топором, и ребята справились с ней отлично, причем мальчики, получив некоторую подготовку в школьной мастерской обращаться с топором, с деревянными работами справлялись лучше девочек. Отдельных разделений ребят по возрасту или полу на земляные и на деревянные работы не было. В каждой из этих работ все дети принимали одинаковое участие.

Из этого опыта выясняется, что дети 13—15 лет, работая ежедневно в количестве 10—12 человек посменно по два часа в день, причем ежедневно было 4 партии, могли производить достаточно большую работу.

Взявшись за постройку нового моста взамен старого, разрушенного, дети в самый короткий период времени вырыли новую отводную канаву длиною в общей сложности 40,1 метра, углубили старую канаву, вынув при этом 40,5 куб. метров земли весом около 44,5 тонн, разобрали до основания весь деревянный материал старого моста, очистили большую площадь около моста от ила и грязи, сделали большие подготовительные работы с деревом для устройства кового моста и произвели постройку его.

Постройка моста производилась ребятами с большой охотой, усердием и полным сознанием ответственности» (Клосеп, стр. 49—53. «Народный учитель», № 9, 1924 г.).

Так школа осуществила одно из многих требований, которое пред'явило к ней крестьянство. Другие школы осуществляют иные требования крестьян.

Школа организует детский сад. Когда мы пробовали приступать к работе в деревне, еще летом 1922 года (в с. Успенском), мы сразу учли необходимость и возможность работы с деревенскими ребятами.

Школьная ячейка ВЛКСМ, организуя работу среди местного населения, организовала и детский сад, работа которого протекала летом 1922 года довольно удовлетворительно. Вместе с переездом школы-коммуны из с. Успенского в совхоз Липовку, Московского уезда, вместе с установлением прочной материальной базы ячейка летом 1923 г. развертывает свою работу вне школы, и в этой работе определенное место занимает детский сад. Кружок работающих в детском саду составляется заранее, еще зимою, в Москве. Заготавливаются кое-какие пособия. С переездом школы из Москвы на летнее время в Липовку детский сад начинает приступать к работе.

Здесь следует отметить, что вся работа по организации и ведению детского сада является делом рук самих ребят. Из взрослых товарищей в силу отсутствия времени никто не мог принять в этой работе близкого участия.

Как организация детсада, переговоры с населением, так и работа с детьми проводятся ребятами, при чем ответственный за ведение детского сада является ячейка ВЛКСМ.

На эту работу шли не только члены ячейки, к ней привлекались и не-члены ячейки, как девочки, так и мальчики, и «артели по детсаду» составлялись быстро.

Хватало ли выдержки у всех работников до конца? Пожалуй, что да. Работа была доведена до конца. Вот что пишет комиссия по детскому саду: «... Глубоко не правы те товарищи, которые думают, что наш пыл скоро остыл. Конечно, не все до конца были достаточно стойкими, но в целом комиссия работала, не понижая темпа. Иногда после сенокоса мы чувствовали, что почти не в силах работать, и все-таки шли, чтобы не бросать начатого дела».

И действительно, не было ни перерыва, ни срыва этой работы. Вплоть до от'езда в Москву работа продолжалась, и она нормально закончилась в намеченный срок.

Что делали ребята в своем детском саду?

Конечно, никакой плановой работы не было. Дети играли, водили хороводы, играли на песке, разбирали рисунки, украшали свою комнату, пели. Каждый раз перед началом игр мылись и надевали чистые платьица. Это уже много.

В хорошие, солнечные дни устраивались прогулки, песни, игры на поляне, собирали цветы и т. д.

Приблизительно такие работы, с небольшими вариациями, заполняют дни детского сада. При работе в детском саду у учащихся выработался определенный чуткий подход к детям, умение с ними заниматься, умение наблюдать и определять особенности тех или других малышей.

Работа в детском саду не только увлекала ребят, но дала им серьезное осознание важности этой задачи. Сознание, что они приносят хотя бы маленькую пользу, рождало новые силы. Работа прерывается на зиму, но о ней не перестают думать.

И действительно, работа в детском саду возобновилась снова.

Если летом 1923 г. мы видим просто няньченье, игры с детьми, то в 1924 г. мы имеем явные признаки организованного детского коллектива. Этот коллектив маленьких деревенских ребятишек является уже почти постоянным, и с ним есть возможность проводить более серьезную работу. В детском саду бывает всего 23 чел. ребят, из них только половина постоянных посетителей. Времени потрачено руководительницами всего 400 часов.

Вот запись, характеризующая рядовую работу детского сада: «Маленьких ребят было человек 8, с ними пришло еще больших человек 6, они помогали занимать маленьких, да и сами с интересом рассматривали журнал и книжку, которые мы принесли. Маленькие играли больше игрушками, строя из них башенки. Народу к вечеру собралось еще больше».

Летом очень часто в детском саду оставляли грудных младенцев уходящие на сенокос матери.

Следует отметить рост сознания самих рабочих, уменье подойти к детям, уменье налаживать определенную воспитательную работу.

От робкой попытки игры с детьми ученицы Зины Б. в селе Успенском летом 1922 г. до детского сада 1924 г. в дер. Вешки — большая дистанция. В работе 1924 года мы можем отметить определенный план и систему работы. В этом плане постоянно и ежедневно фигурируют умывание и переодевание в чистое платье. Навык к чистоте ребятам прививается очень быстро, и мы всюду встречаем в дневнике заметки: «умывались с удовольствием».

Те работы, которые были проделаны в детском саду, проведены удачно и представляют собой серьезный подход к трудовой школе. Игры, песни, беседы — все это развивает ребят и должно считаться уже не только времяпровождением, не только работой для того, чтобы занять детей в то время, когда матери находятся на работе, но и серьезной педагогической работой.

«23/VIII—24 г. Сегодня последний день! Прощайте, белые, льняные головки, голубые глазки, пухлые розовые ручонки. Прощай, низкая бабушка-избушка, прощай и сама бабушка... Мы кончили укладку вещей, наконец, тронулись домой».

«Пока мы проходили через деревню, всюду высовывались детские головки, и звонкие голоса звенели в предвечернем воздухе:

— Прощайте, прощайте. Приходите на другой год!

— Приедем, милые!

Вот ответ наших ребят. И мы вполне уверены, что они придут, придут еще более организованными, еще более знающими» («На путях», № 1, 1925 г., стр. 61—63. Михельсон).

Школа организует кооператив. Детское самоуправление,—рассказывает учительница,—существует в школе с прошлого года. В этом году оно стало несколько сложнее — появилось несколько новых комиссий, организовался школьный кооператив. Кооператив появился в силу самой крайней необходимости. В деревне нет никакой лавочки. За покупкой письменных принадлежностей приходилось ходить в соседнее село и переплачивать от 25 до 40% общей их стоимости. Ребята собрали по 30 копеек и организовали кооператив.

Закупку всего необходимого пока производят учителя в уездном городе.

Всю остальную работу по кооперативу выполняют сами ребята.

Торгуют с надбавкой против покупной цены на 10%. Эта надбавка идет на расширение дела».

Но этим не ограничивается работа кооператива. В городе кооператив организует продажу завтраков, приходит на помощь нуждающимся детям. Эта помощь разнообразна: по пониженной цене, а иногда и даром кооператив снабжает ребят книгами, учебными пособиями, завтраком. Большое количество своих сумм кооператив тратит на культурно-просветительные нужды. В первую очередь покупаются книги по кооперации и по общественным наукам. Я знаю кооператив, который в 8 месяцев на культурные нужды истратил 600 рублей. Есть и такие кооперативы, которые развернули в школе столярные, слесарные, переплетные мастерские. Они построены по принципу самоокупаемости. Эта кооперативная работа встречает возражения со стороны лавочников, особенно на окраине города, и горячую поддержку со стороны рабочих. Прения по вопросу о нужности кооператива на родительских собраниях, в которых принимают участие и ребята, дают прекрасный материал для работы.

Весной ряд кооперативов организуют огород, устраивают кружок пчеловодства и т. д.

Но, кроме этой работы, охватывающей незначительные группы ребят, есть и массовая работа, втягивающая сотни и тысячи детей. Я имею в виду борьбу с малярией в «день леса». Эта громадной важности работа развернута далеко не повсеместно, а между тем она чрезвычайно доступна и нужна. Что же могут в этом отношении сделать дети?

Школа борется с малярией. Вот как об этом рассказывает т. Марзеев.

Участие детей в борьбе с малярией может и должно выразиться в следующем:

1) *Ловля комаров* в домах для людей, в помещениях для животных, на открытом воздухе.

Помимо уничтожения комаров, дети должны их собирать и составлять из них коллекции. Эти коллекции помогут врачам судить, насколько и где именно в данной местности распространен малярийный комар.

Школьников не трудно обучить самих отличать обыкновенного безвредного комара (кулекса) от опасного малярийного (анофелеса).

2) *Наблюдение за местными водоемами.* В этих водоемах юные ленинцы должны отыскивать личинки комаров и собирать их, наблюдать за теми водяными животными, которые уничтожают личинки комаров.

3) *Мелкие мелиоративные работы.* С большим успехом юные ленинцы могут быть привлечены к легким работам по уничтожению или обезвреживанию зараженных комарами водоемов: 1) спускать или 2) засыпать небольшие лужи, 3) устранять застои воды в канавах, выравнивать и засыпать песком почву вокруг колодцев и т. п.

4) *Нефтевание водоемов* для уничтожения в них личинок комаров.

К выполнению этой весьма важной и в то же время очень простой меры легко могут быть привлечены как подростки, так и младшие. Сначала в простом стакане можно показать детям, как гибнут личинки комаров, если на поверхность воды налить тонким слоем мазут, нефть или керосин. Затем сами дети могут проделывать такое нефтевание в прудах, канавах, небольших болотах, конечно, под руководством врача, инструктора малярийной станции или учителя.

5) *Наблюдение* в домах и дворах за бочками с *водой*, цистернами, в которых держится или накопляется вода и где могут плодиться комары.

6) *Устройство* в окнах детдомов и квартир *сеток* из кисеи (лучше готовые, проволочные) и наблюдение за ними.

7) *Отыскивание мест зимовок комаров.* Небольшая часть комаров не погибает осенью, а остается зимовать до следующей весны. Зимуют комары обыкновенно в местах темных, защищенных от ветра и зимнего холода.

От каждого такого зимующего комара весной и летом выплодятся несколько миллионов комаров, и потому легче всего бороться с комарами, уничтожая их зимовки. Но найти эти комариные зимовки не так легко. И вот в этом деле — незаменимы дети. Только они могут облазить и обшарить все эти потаенные места, от их зоркого глаза ничего не ускользнет.

8) *Окуривание комариных зимовок.* К этой работе тоже можно привлечь детей.

9) Наконец, привлечение детей к разведению таких животных, как, напр., летучие мыши, которые являются естественными врагами комаров.

В какую же организованную форму вылить все эти виды детской деятельности по борьбе с малярией?

Наилучшей формой будут организованные «малярийные отряды» юных ленинцев. Во главе каждого такого отряда должен быть начальник из числа детей же. Отряд работает под руководством местного учителя и по указанию участкового врача или врача местной малярийной станции. Отдельные «малярийные отряды» каждого селения должны быть об'единены в «малярийную команду».

Само собой разумеется, «малярийные отряды» и руководители должны быть врачом обстоятельно инструктированы.

В отрядах должны быть дисциплина, предприимчивость, интерес к природе, сознание важности и пользы своей работы.

Что это дело жизненное и реальное, этому прекрасным примером служит Ахтырский детский городок [1]). Только ли он один? Союз знает не один десяток детских организаций, борющихся с малярией.

Школа и «день леса». На основании опубликованного отчета о «дне леса» в Лосино-Погонно-Островском лесничестве мы имеем цифровые результаты посадки, произведенной комсомольцами, пионерами и учащимися школ I и II ст. в количестве 2.500 чел.

В понедельник, 12 мая, пионерами, комсомольцами и учащимися Богородского и Сокольнического районов было посажено 4.250 лиственниц, 400 шт. елей. Высеяно 32 клг. на 56 грядах питомника — на площади в 250 кв. саж. Посадочный материал даст возможность облесить площадь около 81 гектара. Перешколено 35.000 шт. разных сеянцев на 64 грядах, посажено 1.000 черенков спиреи и дерна, посажено 150 шт. яблонь. Окончена закладка, где посажено 775 деревьев и ягодных кустарников.

Как же и кем была организована эта работа? Вовлечение молодежи и детей в активную работу по древонасаждению было организовано биостанцией юных натуралистов и опиралось всецело на инициативу рабочей и учащейся молодежи I и II ст., комсомольских и пионерских ячеек, местных фабрик и детских домов. В процессе подготовительной работы ко «дню леса» (информация и доклады о значении леса, лесные экскурсии, художественное оформление идеи охраны леса и т. д.) дети поняли и почувствовали всю важность и общественную ценность леса и труда лесных работников.

Местная комиссия Лосино-Погонного лесничества развернула подготовительную работу к этому дню в двух направлениях: 1) по линии организации производства посадки и 2) по линии об'единения учащих и учащихся и рабочей молодежи Сокольнического района. В созданные комиссией аппараты влились ячейки ВЛКСМ фабрики «Богатырь», лесотехникума и станции юных натуралистов. Учительство за две недели до производства посадки деревьев поставило своей ударной задачей об'единить учащихся I и II ст. около идеи необходимости

---

[1]) «Путь Просвещения», № 7, 1924 г. Марзеев, стр. 149, 150, 151.

«охраны леса». Одновременно с этим местные ячейки ВЛКСМ повели аналогичную пропаганду среди беспартийной фабрично-заводской рабочей молодежи.

Из слушателей лесотехникума, студентов лесного института и работников биостанции комиссия Лосино-Погонного лесничества образовала далее инструкторский технический аппарат, который во всех деталях дал точный план посадки на 11-е и 12-е мая, были научно учтены все данные условия площади, предназначенной для посадки, и соответственно этому даны методические указания для проведения массовых посадочных работ; в частности была установлена, например, определенная мера глубины ямок для растений, расстояние деревьев друг от друга, точная мера количества семян на определенной площади на одного человека и т. д.

Все это давало возможность практически сравнительно легко справиться с посадкой даже маленьким детям *дошкольных* учреждений.

Когда был сконструирован технически-производственный аппарат, нужно было параллельно выделить организационно-педагогическое бюро, которое бы методически оформляло вовлечение учащихся масс и молодежи в эту работу.

Это бюро, в состав которого вошли все местное учительство и представители комсомольских организаций, поставило своей конкретной задачей:

1. Выделить из среды молодежи докладчиков в школы фабрично-заводского ученичества на темы, имеющие отношение к охране леса.

2. Поставить на обсуждение общих собраний ребят вопрос об участии их в производстве посадки деревьев и художественном оформлении «дня леса».

В том и другом случае организационно-педагогическое бюро остановило свое главное внимание на развитии у детей коллективной самодеятельности. Только при этом условии можно было добиться и хороших производственных результатов и сознательного отношения ко «дню леса». Учительство на местах проводило лесные экскурсии, выясняя таким путем всю насущную необходимость посадки. Дети проявили живой интерес и любознательность к этим моментам исследовательской работы. С другой стороны, юные докладчики-комсомольцы, проводя предварительную работу в школах, выяснили всю важность поставленной перед детьми задачи. «С этим делом, — говорил один из докладчиков, — мы можем успешно справиться только в том

случае, если вся двухтысячная трудовая армия детей в этот день встанет, как *единый сознательный трудовой* коллектив».

Различная по своему возрасту масса детей, пионеров и учащихся, без всякого шума, толкотни и беспорядка выстроилась на посадку деревьев. Старшие ребята проявили активную заботливость по отношению к младшим. Видно было, что местные комиссии по проведению «дня леса», выбранные на общих собраниях в школах, зорко следили за тем, чтобы ни один человек не остался без определенного трудового задания: всем нашлась работа, и каждый сознавал, что только общими усилиями (а не в одиночку) можно достигнуть желаемых и важных для государства результатов.

Фактический материал, представленный в специальном номере «Листков биостанции», устанавливает авторитетное заключение специалистов лесного дела о производственной работе; оказывается, что посадка деревьев, произведенная детьми в «день леса», в количественном и качественном отношении была безукоризненна. Это обстоятельство об'ясняется главным образом уменьем руководителей поставить все это дело на правильные рельсы организации коллективного детского труда (Воздвиженский. «На путях», № 7—8, стр. 173, 1924 г.).

Школа ведет работу по сельскому хозяйству. Самой элементарной, самой доступной формой помощи со стороны школы с. х. является, конечно, с.-х. кружок. Он организуется школой совместно с пионер-организацией. Он об'единяет только желающих, но его работа в первую очередь — практическая работа в хозяйстве отцов, на выделенной грядке огорода в саду. В чем задача, в чем смысл работы? Внести улучшение, добиться больших результатов, приобрести лучшие приемы, навыки и привить их взрослым. Как добиться этого? Каждый член кружка практически работает над 1, 2, 3 маленькими темами (помидоры, куры, картофель и т. д.), но не разбрасывается, не переходит с одного на другое, не окончив ранее начатого. Он работает не один. Он обменивается своими неудачами и достижениями с другими членами кружка, учитывая их опыт. Он получает необходимые знания из бесед, брошюр, книг, которыми снабжает его библиотека кружка, школы, пионер-отряда. Он получает консультацию у агронома, инструктора или учителя, которые не раз заходят посмотреть на его работу, к которым он заходит за справками и советами. Что даст такая работа? Правильно поставленная, она даст не только знания и навыки, но и определенный хозяйственный эффект.

Но это только начало. Это только один вид помощи.

Есть и другие.

Школа работает по «переделу земли». В начале 1924 года школа-коммуна в Липовке проводила целый ряд кампаний по заданию волкома в ближайших деревнях. Обычно, затрагивая попутно вопросы землеустройства, трехполье и многополье, нам удалось в дер. Вешках поставить вопрос реально. Часть населения высказалась определенно за передел земли по едокам (до сих пор было старое деление по душам) с переходом с трехполья на четырехполье. Это вызвало, конечно, в деревне значительные споры, и она обратилась за помощью к нам. Ряд бесед, проведенных нами, склонил крестьян к переделу, и эта работа была проведена студентами зоотехнического института, племхоз которого находится тут же, рядом с деревней. Таким образом роль школы при переделе земель в д. Вешках сводилась лишь к моменту пропагандистскому.

Но эта наша работа стала известна другой более отдаленной дер. Подушкино, где вопрос о переделе земли стоял чуть ли не с дней Октябрьской революции. Наконец зимою 1923/24 года бедняцкая часть населения взяла верх и добилась более или менее единодушного постановления о переделе земли по едокам. Деревня уже получила разрешение от волземотдела на передел, причем волземотдел поставил условие: переход на многополье. Был уже май месяц, когда МОЗО давно уже окончил составление плана землеустроительных работ и фактически уже к ним приступил. А деревня, сделав постановление о переделе, хотела этот передел произвести скорее, чтобы озимь уже сеять по новому полю.

В результате в школу явились ходоки с заявлением: «Мы слышали, что школа работает по переделу земли. Просим помочь нам».

При дальнейшем выяснении вопроса как в волисполкоме, так и в уземотделе и МОЗО оказывается, что включить в сеть деревень, подлежащих землеустройству, Подушкино на этот год уже нельзя. Тогда школа берет на себя проведение землеустроительных работ. При детальном ознакомлении с земельным делом деревни Подушкино выясняется, что дело сводится не к одному только переделу с переходом на другой севооборот: оказалось, что план земельных владений деревни давно утерян, некоторые границы вызывают споры и требуют изменений и т. д.

Операция из чисто хозяйственной приобретает уже характер землеустроительной, выполнение которой может быть проводимо только компетенцией губотдела землеустройства по его очередному плану

землеустроительных работ и специально уполномоченным лицом — землемером-землеустроителем. Однако в результате переговоров отдел землеустройства дал школе право на производство работы, возложив руководство и ответственность на агронома школы.

Для школы эта операция имела двоякое значение: произвести коренное улучшение земельных дел деревни и втянуть учащихся в эту общественную работу. Нам нужно было нашу работу как можно шире использовать в школьных интересах. К сожалению, в школе были только младшие группы, которые могли быть использованы лишь для технической помощи и для экономического обследования деревни.

Расчеты, нанесение плана и другие сложные манипуляции были для них еще недоступны и использовались лишь для занятий по соответствующим предметам, но не для землеустроительных расчетов. Помимо агронома, часть работы взяли и другие преподаватели, особенно математики.

В результате школой проведены следующие работы:

1) С'емка окружной межи и внутренней ситуации (площадь 400 гектаров) с установлением межевых знаков, устранением пограничных споров и изменением границы одной из смежных деревень в целях устранения чересполосицы.

2) Составлен землеустроительный проект с изменением дорог, площади запашки (она увеличена), урегулированием усадебных недоразумений и пр.

3) Осуществлен этот проект в натуре с производством уравнительной подворной нарезки (369 едоков) при общинном землепользовании с возможным устранением чересполосицы и введением широкополосья.

Все эти работы, конечно, чисто технические, но они нужны были для перевода деревни на более культурные формы ведения хозяйства. Нашей главной и конечной целью была именно эта последняя.

Подмосковный крестьянин сейчас плотно садится на землю. Если до революции Москва давала заработок более легкий, и земля была в загоне, то теперь у громадного большинства населения земля является единственным источником средств к существованию. Близость Москвы, само собой, накладывает известный отпечаток на хозяйство. Стоит проехаться хотя бы раз по подмосковным дорогам и увидеть эти вагоны молочниц, чтобы понять и характер подмосковного хозяйства, и тот интерес, который вызывает у подмосковного хозяина хорошая молочная корова.

Но, несмотря на это, в деревнях очень редко встречается породистый скот, почти отсутствуют теплые или даже хорошо утепленные помещения для скота, не знают ничего про рациональное кормление, — в практике только сено и солома, и лишь немного прикупают отрубей. Корнеплоды не сеют не только для скота, но даже и для себя.

Учтя все эти обстоятельства, школа совместно с участковым агрономом выработала план возможного землепользования для дер. Подушкино.

Конечно, наиболее активно настаивающими на переделе земель были более бедные слои деревни, с которыми школа все время и вела работу, и понятно, что их главная цель была — передел по едокам, вместо старого подушного надела. Они только под давлением волземотдела согласились на четырехполье. Мы не торопились и не старались навязывать тот или другой план хозяйства, нам важно было, чтобы сами крестьяне поняли этот вопрос и сознательно могли определить и план хозяйства, и вытекающий отсюда севооборот.

Таким образом из агрикультурных мероприятий, подготовленных путем бесед, лекций и отдельных переговоров, проведены: а) переход от трехполья на пятипольный севооборот с введением клевера, б) уничтожение пустующего (позднего) пара с переходом на занятой пар, в) добыта ссуда клеверных семян к предстоящему весеннему посеву по озими. Посев озимей уже произведен согласно новому севообороту.

Таким образом, несмотря на все трудности, обычно сопутствующие землеустройству деревни (бесчисленные споры, разногласия, недовольство и пр.) и часто срывающие дело даже в конце по различным непредвиденным причинам, школе все же удалось благополучно закончить работу, а главное — добиться тех агрикультурных достижений (пятиполье с занятым паром), которые и составляют весь смысл в этой довольно трудной задаче, взятой на себя школой («На путях», № 1, 1925 г., стр. 63—65, ст. Михельсона).

Иногда эта помощь крестьянам становится очень разнообразной, охватывает ряд сторон и в то же время вырастает в постоянную помощь. Вот что рассказывает товарищ Мирандов о работе в Ульяновской губернии:

В мае 1920 г., когда морозы убили у крестьян на огородах всю капусту, школа раздала до 20.000 штук капустной рассады, и таким образом не только максимовское, но и окрестное население было с капустой. Это была первая услуга школы, которая растопила ледок в отношении населения в школе. С открытием же в школе мастерских, когда они стали обслуживать местные нужды, благожелательное отношение населения к школе упрочилось. Когда в феврале 1921 г. появились в газете первые заметки о предполагающемся «трехнедельнике крестьянина», школа тотчас же предложила местному населению произвести бесплатно ремонт сельскохозяйственного инвентаря. Сельсовет установил среди населения очередь, и к официальному началу «трехнедельника» в течение месяца все сельскохозяйственные орудия в селе Максимовке были отремонтированы: всего было произведено 50 больших ремонтов, 15 средних и 10 малых.

Начиная с 1920 года, в школьном рассаднике каждую весну приготовляется до 60 тысяч рассады самых необходимых огородных овощей, из этого количества не менее 40 тысяч идет на снабжение местного окрестного населения. В виду того, что школьная рассада по сорту и качеству выше крестьянской и базарной, население заинтересовалось способом культивирования ее, и потому нередки бывают случаи, когда крестьяне, а больше крестьянки посещают школьный рассадник во время работ в нем. Далее, на глазах населения происходит на школьных огородах и садах успешная борьба с многочисленными в последнее время вредителями, что опять заставляет местных крестьян очень часто обращаться в школу за советами в связи с появлением тех или иных вредителей.

В школьных мастерских, особенно в слесарной и кузнечной, обслуживание местного и окрестного населения поставлено очень широко. Главный вид работ — ремонт сельскохозяйственного инвентаря, включая сюда и ремонт сложных сельскохозяйственных машин. Практикуются и выезды инструктора со своими учениками на установку машин в другие пункты, — таких гастролей было шесть: в Шумовку две, в Соломанку одна, в Беденьгу одна, Полдамасово одна, в Загудаевку (за 21 *км*) на установку двигателя одна. В среднем количество крупных заказов в месяц колеблется от 6 до 7, мелких же (ковка лошадей, ремонт топоров, замков и разных мелких предметов домашнего и кухонного хозяйства) достигает до 23—30 в месяц. Бывают случаи, когда крестьяне с неотложными работами обращаются непосредственно к ученикам, например: ремонт замков, пил, зажигалок и разных принадлежностей кухонного хозяйства; в портновскую мастерскую обращаются к девочкам с заказами по шитью нарядов, — эти заказы обычны в свадебный сезон.

Для улучшения породы скота в деревне школа имеет племенного быка бестужевской породы и племенного барана. Указанные производители отпускаются школой по ордерам сельсовета.

Беднейшему сельскому населению школой оказывается материальная помощь. В голодный год две семьи кормились в школе, получая остатки обеда воспитанников и часть хлебного пайка, которую добровольно выделяли воспитанники; кроме того, наиболее нуждающимся выдавались из школы грибы и овощи. Три безлошадных хозяйства обслуживались школьными лошадьми, а так как в двух случаях не было и здоровой рабочей семьи, то с лошадьми были посланы и старшие воспитанники. В октябре прошлого года воспитанники на школьных лошадях перевезли два дома с имуществом безлошадных крестьян на отведенное им новое усадебное место. 7 ноября прошлого года школа отказалась от полуторного пайка и праздничную надбавку воспитанники сами отвезли одному голодающему семейству, присоединив к этому воз дров, керосин и соль.

В голодный год, когда сельская школа нуждалась в необходимом ремонте, без которого нельзя было начать занятия, и ремонт этот для населения был непосилен, то наша школа остеклила все здание сельской школы.

Школа при всяком удобном случае оказывает населению и культурную помощь. Деревенская молодежь охотно обращается в школу за книгами для чтения, но вследствие крайней бедности школьной библиотеки каждый раз возможно удовлетворить не более пяти человек. В дни советских праздников наша школа является единственным учреждением, куда крестьяне приходят послушать раз'яснения праздничного события; в различные литературно-музыкальные вечера (к слову сказать, обставленные очень скудно за отсутствием музыкально-артистических сил) школьный зал переполняется настолько, что приходится запирать двери из опасения дальнейшего, уже недопустимого переполнения. Кроме того, часто пожилые крестьяне приходят в школу за раз'яснением самых разнообразных, но наиболее волнующих их вопросов политической и общественной жизни. К вопросам, с которыми наиболее часто обращаются крестьяне, относятся: церковный вопрос в связи с церковным разложением, продналог, бюджет, об опеке детей в связи с просьбой об определении сирот и в последнее время о международном положении в связи со слухами о возможной войне.

В медицинском отношении население местное и ближайших окрестностей обслуживается исключительно школой. В среднем бывает до сорока обращений за помощью в течение одного месяца. И не удивительно: ближайший медицинский пункт за 21 *км*, в Ульяновске

(А. Мирандов, стр. 12—14. «Вопросы просвещения», № 1, январь—февраль 1924 года).

Это—в Ульяновской губернии, а вот как работает Хотьковская школа Московской губернии.

В годы вынужденного вегетарианского питания особенно ценным оказалось обучение населения улучшенным и новым огородным культурам, раздача через учеников рассады различных сортов огородных овощей. В 1920 году почти все семьи, в которых были ученики школы, посадили лучшие сорта капусты, выращенные в парниках школы, многие завели дома культуры тыкв, брюквы, помидоров и т. д.

В 1921 году при школе открыла свои действия кузница, которая в течение ряда месяцев обслуживала совершенно бесплатно несколько окрестных деревень. Вынужденная впоследствии перейти на платную работу, кузница, однако, и до сих пор работает значительно дешевле частных предприятий, почему и завалена всегда заказами преимущественно по выделке и ремонту сельскохозяйственных орудий.

Школа электрифицирует деревню. Наконец, в 1922 г. излишняя энергия с электрической станции школы также отдана была ближайшему населению: школа провела электричество на соседний небольшой завод и в деревню Жучки, где теперь в каждой избе горит электричество (В. Духовский, стр. 63—64. «На путях к новой школе», № 2 (5), март 1923 г.).

Школа открывает дом крестьянина. Но на этом работа школы не остановилась. В 1923 году совместно с ячейкой, подговорив мужиков, школа отремонтировала полуразвалившуюся избу и открыла в ней дом крестьянина. «Это только начало, — говорит докладчик (один из организаторов) при открытии, — впереди нам надо сделать еще гораздо больше. В первую очередь нам надо организовать здесь свои опытные поля с общественной обработкой, случной и прокатный пункты, чайную, кооператив, школу для взрослых, наладить работу внутри дома—справочную, просветительную и т. д. Не все сразу, но постепенно добьемся и всего — об этом можно судить по тому, как мы все горячо взялись за работу с самого начала» (С. Алыпов, стр. 120, «На путях к новой школе», № 1, январь 1924 года).

Школа помогает и может помочь крестьянину вести учет. «Наше крестьянство не только не знакомо с учетом, но еще вдобавок к самой идее учета относится иронически и скептически». «По удоям считать — молока не видать», говорит оно и не учитывает и боится учитывать.

А между тем без учета рационально хозяйство поставить нельзя. Кто же, как не школа, сможет помочь этому? Она может и должна помочь крестьянину научиться вести систематическую запись, хотя бы в самой простой, самой элементарной форме. Она должна обработать ее и результаты в наглядной форме передать крестьянину. Некоторые школы разных губерний уже приступили к этому. Надо, чтобы остальные поспешили за ними.

Таково многообразие граней помощи со стороны школы деревне. Но они не все. Они бесконечны. Я коснулся только некоторых. Я не касался почти совершенно культурно-просветительной работы школы. Конечно, не потому, что ее нет, что ее не может быть, но потому, что именно сюда в *первую* очередь направляется внимание всех школ, именно потому, что это наиболее обычная и разработанная форма помощи. Скажу только, что следовало бы организовать из ребят не только с.-х. кружки, кружки почтальонов, но и библиотечные, переплетные при библиотеке, школе, комсомольском клубе и т. д. Это уже есть во многих местах. Это *надо* усилить. Центр тяжести — в помощи со стороны *детей*; учитель — помощник и в организации и в осуществлении данной работы. Но есть и еще один вид помощи, на который обращено чрезвычайно мало внимания и который должен стать в фокусе внимания особенно городских школ, это — радиопомощь. Надо помочь радиофикации деревни, и эту роль могут взять на себя старшие ребята города. Они должны изучить теорию и практику этого дела, провести в деревне вместе с комсомолом и пионерами агитацию среди взрослых и ребят, должны сорганизовать кружок радиолюбителей и на *практике* осуществить то, о чем говорят. Стоит это недорого. *Каждая* деревня может иметь хотя бы 1 приемник, а самодельных и несравненно больше. *Этого надо добиться*. Но этим работа не должна исчерпаться. Постоянная помощь и, дальше, постоянное развертывание раз начатого дела — это один из лучших видов помощи города деревне. В 100—150-километровой полосе от отправительной станции все должно быть радиофицировано. Но если в деревне формы помощи безграничны, количество работы, доступной детям и в то же время общественно-полезной, бесконечно, то так же дело обстоит и в городе.

Многое указанное для деревни доступно для города, хотя бы радио, но возьму и еще несколько примеров. Улицы наших городов грязны, запущены, скверы заплеваны и безобразны. Почему бы особенно в губернском или уездном городе школам не провести кампанию по посадке деревьев вдоль улиц, уходу за ними в течение лета? И пусть мне не

говорят, что ребята измучены, им надо отдохнуть, у них нет времени. Пусть не говорят этого потому, что я слишком хорошо знаю, что ребята уездных и губернских городов летом умирают со скуки и со скуки и от безделья выдумывают разнообразные художества с кошками, собаками, да и с зазевавшимися прохожими. Наблюдение за сквером, приведение его в надлежащий вид и т. д. И не всех школ сразу за всеми улицами, а 2—3 за определенным сквером и т. д. Что может помешать этому? Пора вылезать из скорлупы и на глазах всех делать всем нужную работу, пора привыкнуть считать, что улица — наша, а не «казенная», что каждый за нее ответственен и т. д. А гигиена? Если в деревенских избах нет форточек, то разве в городах, даже там, где они есть, ими пользуются? Почему бы школе не взять контроль за всеми родителями, дети которых учатся в школе, в этом направлении и проводить это в жизнь? Да разве только это? А Доброхим, Добролет, Друг детей, а изготовление кубиков малышам, самодельных приборов, а школьный или пионерский оркестр, который может для всех, даром, в сквере, на крылечке школы в деревне исполнять еженедельно разработанные им номера, и только ли в деревне?

Но еще четче и яснее эта общественная работа выявляется в школе при фабрике. Сама фабрика, сам фабрично-заводской район выдвигает перед школой ряд задач, зовет ее на помощь, но для того, чтобы знать, в чем нуждается район, в чем школа может помочь, район должен быть хорошо изучен. План общественной работы школы должен быть согласован с планом работ государственных и общественных организаций. Нельзя действовать сепаратно, не следует действовать в одиночку.

Уголок матери. Матери идут в клуб на лекции, митинг, концерт. В этих уголках они оставляют своих малышей. Их много, несколько десятков, находятся в этих вечерних яслях с 8 до 12 вечера. Но нет денег на уголки, нет правильно организованного надзора и присмотра. Почему же этому не может помочь школа, почему она не может установить в них дежурство 2—3 старших ребят под руководством учителя, почему не возьмет на себя инструктирование и помощь матери-работнице, дежурящей в уголке, почему не выделить для этого одну комнату школы? Это не сопряжено ни с какими затратами, это доступно детям (дежурство раз 5—6 в течение месяца), это *реальная* помощь женщине-работнице, так как она дает ей возможность принять участие в общественной работе. Эту

помощь школы никогда не забудут работницы и в свою очередь помогут ей [1]).

Площадка для малышей. Нет места в шумной и грязной казарме, нет никого в квартире (отец и мать на фабрике), и ребенок заперт на ключ или один на улице, пыльной и грязной. Почему в школе не сорганизовать площадку, пусть для 50—60 ребят? Разве их не могут обслужить ребята старших групп под руководством учителя? Пусть эта площадка не будет удовлетворять всем требованиям педагогики, разве им удовлетворяет пыльная улица или темная, сырая казарма, или комната, в которой заперт один-два ребенка, и не лучше ли в тысячу раз будет детям на необорудованной площадке, чем вне ее?

Помощь клубу. Кто переписывает стенные газеты взрослых, кто исправляет и переплетает книги для клуба, кто помогает агитировать за книгу? Почему этого не могут сделать хотя бы в некоторой части ребята разных возрастов, почему их не привлекать к работе в библиотеке, почему не помогает школа? Есть и безграмотные на наших фабриках: пусть же ребята возьмут на себя работу по ликвидации неграмотности, малыши же пусть будут читать взрослым. Но это надо сорганизовать, все это надо до конца продумать *применительно* к данным условиям — в этой работе должна принять участие, а подчас и инициативу взять на себя школа.

Сквер. Улицы грязны, пыльны, иногда не мощены в наших фабричных районах, растительности мало. Почему бы школе не произвести древонасаждения, помочь в разбивке сквера, взять на себя заботу и надзор за приведением улицы в санитарное состояние,

[1]) Иногда, правда, раздаются голоса возражения: «То, что рекомендуете, для нас «принципиально неприемлемо». Ребята с 8 часов вечера должны спать дома. Таскать по уголкам их преступно. Мы не можем поощрять этого и помогать в этом не должны. Вот почему наши дети не принимают участия в этом деле», говорили мне руководители большой школы на Путиловском заводе Ленинграда. Но так говорят крепостники. Они не понимают того, что надо раскрепостить женщину, дать возможность ей принять участие в общественной и культурной жизни, они не видят того, что другого выхода у нее нет, они не желают понять того, что оставленный дома ребенок одинок и находится в менее хороших условиях, чем в уголке, что уголок станет в 10—15 раз более приспособленным, если школа поможет, и с гордым презрением смотрят они на уголок. Они не понимают нужд и запросов работниц. А рабочие не понимают такой школы, и учителя жалуются, что не удается наладить связь с заводом. Еще бы, что между ними общего?

почему и не попытаться замостить ее? Это совершенно доступно старшим ребятам.

В семье. Еще больше работы в самой семье. Много еще там различных предрассудков, суеверий, невежества, и там вместе с пионерами школе предстоит большая работа.

Пусть только школа начнет *одно* практическое дело и *сделает его хорошо* — за ним потянутся десятки.

Так строят свою работу немногие школы. Их сотни, может быть, тысячи — и только. Надо добиться того, чтобы в ближайшее время так строили свою работу все. И если вся многотысячная масса школ так построит свою работу, нет никакого сомнения в том, что помощь в поднятии хозяйства республики на следующую ступеньку, в поднятии культурного уровня населения со стороны школы будет оказана, и не малая помощь. Это должна сделать школа. Это она сделает.

IV

Но было бы совершенно неверно, если бы эту широкую общественную работу школа осуществила одна. Неверно не только потому, что у ней одной не хватило бы для этого сил, но и потому, что здесь же рядом, в этой же деревне, есть другие организации, которые осуществляют то же.

Из хлева — изба-читальня.

Темная, непросвещенная крестьянская молодежь деревни Троицкое, Дубровицкой волости, Подольского уезда, организовавшись в ячейку комсомола, выхлопотала себе полуподвальное помещение, в котором раньше помещались телята и овцы бывшего владельца.

«Никто не верил,— говорит т. Маханько,— что из хлева выйдет что-нибудь путное. Ведь там было так много навоза, плесени, сора, сырости, гнилых досок, кирпичей».

Но к 1 мая комсомольцы своими силами хлев превратили в чистую, уютную избу-читальню, имеющую в себе плакаты, географические карты, книги, газеты, портреты вождей революции.

Вот одна картинка, а вот и другая:

От починки мостов к электрификации.

Технические улучшения деревни проводятся ячейками комсомола, начиная от мостов и кончая электрификацией. Последняя проводится в Красном Лугу, Звенигородского уезда, по почину ячейки комсомола, которая, решив осветить деревню, сговорилась с совхозом, находящимся вблизи, об отпуске энергии, а также с крестьянами о помощи. После

этого достали столбы, протянули линию электропередачи, и теперь в избах засветились лампочки.

В деле борьбы за новые формы обработки земли московские комсомольцы проявили достаточное участие. Об этом говорят итоги недавно состоявшейся 1-й Московской губернской конференции сельскохозяйственных кружков: по губернии имется 110 с.-х. кружков, об'единяющих в себе больше 3.000 человек (А. Волоколамский, стр. 471—472. «Юный коммунист», № 12).

Что отсюда следует?

Надо об'единить усилия, надо согласовать работу — вот вывод, который напрашивается из данных фактов. Школа должна вести свою работу *совместно* с комсомольской, пионерской, женотдельской организацией, с кооперативом и т. д. Школа должна *пропитать* свою работу правильным политическим содержанием. Надо практику-крестьянину *на деле* показать, что эта общественная работа — неот'емлемая часть школьной работы, что *только* при соввласти в таком направлении и размере она возможна. Что не случайно она ведется вместе с пионер- и комсомольской организацией, так как и их задача, как и задача советской школы,— помочь крестьянину улучшить его жизнь, помочь ему поднять его хозяйство. Если же школа эту работу ведет *помимо* пионеров, помимо комсомола, игнорируя их существование, тем самым она ведет эту работу *против них*, так как приучает крестьян к мысли, что и вне компартии, вне комсомола и пионер-организации есть силы, которые заинтересованы в том же, и что именно они-то и могут осуществить это. Другого вывода не может быть. В самом деле, если школа на практике ведет ту же работу, что и комсомольская организация, но помимо нее,—крестьянину придется *выбирать* между первой и второй. Этого не должно быть. Надо работу до конца согласовать, до конца увязать. Легко ли это сделать? Чем больше продумана работа, чем лучше в ней все рассчитано, тем легче. Но именно согласовать, именно увязать, а *не* передавать целиком пионерской организации, не отстраняться от этой работы. Это было бы тоже *совершенно* неверно. Школа без общественной политической работы ребят *не* трудовая и *не* социалистическая. Отказаться от того, чтобы наша школа подготовляла борца и строителя, мы не можем. Но подготовить ни борца, ни строителя без комсомольской, пионерской организации, без общественно-политической работы ребят школа не может; вот почему дать возможность школе всю эту работу передать пионер-организации, а самой только учить, мы не должны еще и потому, что пионер-организация со всем этим делом одна справиться *не* может, и ей нужна во *всех* разрезах *постоянная систематическая помощь школы*. Эта общественная работа школы должна совершаться в школьные и внешкольные часы всей школой, всеми ребятами, *даже не охваченными* пионер-организацией, даже не желающими входить в нее Нельзя допускать того, чтобы ребята, увлеченные электричеством или радио, могущие помочь радиофикации или электрификации деревни (в смысле проводки, устройства мачт, приемников и т. д.), не были использованы только потому, что они не хотят быть пионерами и не желают выполнять задания отряда. Их тоже надо использовать, втянуть в работу. В пионер-организацию идут те, кто хочет итти, но задачи *и* пионер-организации *и школы* — добиться того, чтобы потянулись и пошли туда и те, кто раньше не хотел, высмеивал, агитировал против пионер-организации. И для этого надо использовать, все конечно, и общественную работу. Школа до конца от общественной работы отказываться не может, она ее одновременно должна об'единить с пионер-организацией и всегда до конца увязывать ее.

Эту общественную работу школа должна согласовать с агрономом, врачом, кооперацией, привлекая их к решению того или другого вопроса, помогая им решить ту или иную задачу (борьбы с малярией, с сорными травами, с вредителями и т. д.). Это тем легче сделать, чем ближе школа и учитель стоят к общественной работе.

Так должна осуществляться общественная работа школы.

V

Но как увязать ее, эту общественную работу, с программами ГУС'а, как уложить ее в рамки отведенного времени? Или этого сделать нельзя да и не нужно? Не слишком ли тяжелое бремя этой работой мы взваливаем на школу, учителя, ребенка? Вот тот новый и больной вопрос, который стоит перед нами. Даже не вопрос, а пучок вопросов. Но стоит только в него вдуматься, стоит только понять до конца программы ГУС'а, как до прозрачности ясным становится ответ. *Вся* общественная работа органически увязывается с программами, согласуется с ними. Самые типы общественной работы и темы комплексов—общи. Но этого мало. Сами программы требуют общественной работы.

Возьмем пример. Помощь школы сельскому хозяйству. Что говорят об этом программы ГУС'а? Читаем 4-й год обучения: «Для сельской школы — составление *плана перехода нашей* деревни на

улучшенный севооборот и постановка опыта улучшенного севооборота на школьном участке». Этим *заканчивается* четвертый год обучения. А до этого на протяжении всех четырех лет школа не один раз подходит к вопросу об улучшении крестьянского хозяйства с различных сторон, с различных концов. Таким образом общественная работа увязывается разными своими сторонами с программой в течение долгого времени. И это очень ценно, очень важно.

Не надо думать, что общественная работа — иллюстрация или способ закрепления проходимых знаний. *Это не верно.* Суть не здесь. Суть в том, что школа делает действительное общественно-необходимую работу, суть в том, что знания, которые дает школа, *нужны, реально* полезны в данных условиях, суть в том, что и расширение и углубление этих знаний диктуется не только отвлеченными соображениями, но и настоящей практикой, суть в том, что знания *немедленно* претворяются в практику, уточняясь, конкретизируясь, суть в том, что клочок опыта, клочок жизни толкает к изучению *целого*, что данное изучается во времени, в изменении, в движении, в противоречиях. И если из этого получается закрепление знаний, что несомненно, то это — следствие, а не суть, не цель. Но если общественная работа не иллюстрация, не метод усвоения знаний, то она *не* бросается в тот момент, когда последнее достигнуто, но продолжается до тех пор, *пока не разрешена общественно-необходимая работа.* Это говорит за то, что школа, т.-е. все группы или несколько групп, может вести и должна вести *длительную* работу в деревне, одна группа может заменять другую, может чередоваться и т. д. — это зависит от ряда причин, но *школа* ведет *длительную* работу. Таким образом, если школа взяла на себя работу по гигиене и санитарии, она *не* кончает ее в тот момент, когда 2-я группа кончает прохождение комплекса «Охрана здоровья детей», но работа идет и дальше. Но вести ее может не одна группа. Она воскресает и в других группах, и в других комплексах, и в революционных праздниках. В октябрьские дни, например, можно и надо подвести итоги общественной работе школы на селе, то же в ленинские дни. Тема тогда будет звучать так: «как школа осуществила идеи Ильича в истекший год». И здесь надо дать данные о том, как и чем и насколько школа помогла в санитарном отношении деревне или в улучшении культуры картофеля и т. д. Словом, — то, над чем работает школа. Эта же работа может выноситься в кружки, развиваться и продолжаться и организовываться пионер-отрядами и т. д. Та или другая общественная работа может и начинаться не вместе с комплексом. Можно начать ее в ленинские или октябрьские дни. Ясно таким образом, что общественная работа школы по своей продолжительности не совпадает с прохождением того или иного комплекса; больше того, она ведется школой, а не группой, даже начало ее может не совпадать во времени с началом комплекса, и тем не менее она увязана с программой и самой установкой и темой, к которой в течение ряда лет обучения ребенок в программном порядке возвращается не один раз, к тому же с разных сторон, и материалом. Не говоря уже о том, что в некоторые моменты она до конца сливается с комплексом. Нужно ли говорить о времени? Общественная работа совершается не только в часы занятий, но и *вне их.* И в этом нет ничего странного. Возьмем такой пример. Ребята работают в хозяйстве отцов, *под контролем и руководством школы.* Каждый из них имеет свои грядки, которые обрабатывает сам. Цель работы — показать лучшие приемы работы, методы, достижения больших результатов. Что требуется здесь от школы? 1) Первоначальная подготовка ребят. 2) Проведение организационных моментов. 3) Контроль и консультация. Но первое и второе и третье проходит в часы занятий. Работа ребенка вне их. Во время каникул дело меняется. Оно потребует добавочных часов работы учителя. *Он должен на это пойти.* Времени это возьмет немного. Зато результаты могут получиться большие. Общественная работа таким образом может и должна *частично* проходить в учебные часы, частично вне их и не только та ее часть, которая требует сообщения теоретических знаний, но *измерение* дорог, расстановка столбов и др., т.-е. чисто практическая сторона. Здесь многое зависит от связи с пионер-организацией, женотделом и т. д. Чем лучше эта связь налажена, тем больший эффект с минимальной затратой времени получается. Но эта школа *целиком* от данной работы освобождена быть не должна.

А интерес? А возраст ребенка? Семилетка, девятилетка и общественная работа школы. Поистине увлечение зашло слишком далеко. Забыли ребенка? Неверно. Конечно, скучным, неинтересным можно сделать все, даже игру, даже сказку, — все, что хотите... даже жизнь. Но из этого вовсе не следует, что общественная работа скучна, неинтересна и недоступна. «Но за это говорит опыт. Дети скучают в школе и от ваших книг, и от той работы, которую вы предлагаете». Это верно. Это бывает. Но кто доказал, что дело здесь в том, что трудна и неинтересна работа, а не в том,

что учитель не сумел ее сорганизовать, приспособить, правильно поставить? Ведь такую работу учитель *никогда* не вел, ведь методик по этому вопросу никто нигде не писал... опыта нет. Надо начинать все сызнова, сначала. И очень естественно, что здесь делается масса ошибок, что 90—95% учителей не умеют правильно взяться за дело, не умеют нащупать путь. Но ищут, нащупывают и найдут. А кое-кто уже находит, нашел. Нет, конечно, ничего более легкого, как вернуться к старой сказке, старым играм, выкинуть общественную работу. Но нужно все это старым дамам обоего пола, у которых все в прошлом. Может быть, им и следует оставить сказки и старые чепцы; пусть утешаются, пусть читают. Но при чем тут ребята, у которых все в будущем? Может быть, для них борьба с мухами, поиски комаров и их истребление, измерение дорог и посадка деревьев, устройство радиоприемника, постройка мостов — бесконечно увлекательней сказки. Не в методике ли здесь дело, не в уменьи ли правильно подойти, правильно поставить дело, соразмерить силы, не здесь ли гвоздь всего? Не здесь ли камень преткновения для общественно-настроенного, не боящегося общественной работы учителя, ведущего ее? А то, что старые дамы ворчат, так что же им еще осталось? Это их единственное развлечение. Ведь они не ребята. Ведь на крышу они не полезут, ведь выискивать зимовье комаров не будут, ведь копаться в земле — не их идеалы, — так пусть же читают сказки. Это занятие невинное. Но при чем же тут дети?

С ними вместе мы будем искать лучшие формы работы, лучшие способы разрешения общественно-необходимой работы и найдем. Не сразу, не по мановению волшебной палочки, не по велению божьей матери, а в результате упорного, систематического труда комсомола, пионеров и сто-, двухсоттысячной армии учительства.

VI

Но есть и еще возражения: «Вы проповедуете теорию малых дел», говорили мне многие из учителей Ленинграда и говорили это с иронией, сарказмом, а иногда с обидой и за себя, и за школу. В этих упреках чувствовалось, что школа, по их мнению, призвана к чему-то более высокому, учитель привык жить и решать более серьезные и важные проблемы, и что я не понимаю этого, И мне неизменно приходилось ставить один и тот же вопрос: вы работаете ряд лет, скажите, чем вы *помогли на практике* местному населению, что из указанного вам удалось осуществить?

И если вы ничего из указанного не сделали, стоит ли много говорить о больших делах, если вы на практике не умеете решать даже малых.

«Все, что вы говорите, это не ново, все это мы знали и до вас и до вашего Ленина», говорили другие. «Прекрасно, — говорил я, — покажите, как вы осуществили все это на практике: ведь в вашем распоряжении было так много времени».

«Все это—*пройденная* ступень, все это нас не удовлетворяет! Нас интересуют совсем иные проблемы, как проводить изо дня в день программы ГУС'а», говорили третьи. «Прекрасно, — отвечал я,—если вы все это осуществили. Но зачем вы молчите об этом, зачем скрываете? Почему об этом не расскажете Союзу и миру? У вас есть чему учиться. Мне, правда, неясно, как, осуществив все это, вы не сумели провести в жизнь программы ГУС'а. Но я готов учиться у вас. И учительница долго рассказывала мне, как надо проехать на школу Путиловского завода, чтобы посмотреть ее. Потом в книжечке начертила и план...

Остановился трамвай. Здесь должен быть где-то Шелков переулок, а там и школа. Длинный забор. Дальше пара домов, затем пустырь, опять забор. Где же он, этот Шелков переулок? Никаких надписей, никаких дощечек и указаний. А где-то здесь школа? Почему бы ей не сделать этого? — думаю я. А вот и мальчик, проворный и сметливый, лет 11—12. Спрашиваю.

— Он самый и есть, это и есть Шелков переулок.

— Ты учишься в школе?

— Да.

— Интересно?

— Какое там интересно, скука.

— А работать умеешь?

— У нас в Емельяновке все умеют.

— Прекрасно, а вот смотри: шоссе-то совсем размыто, ни пройти, ни проехать нельзя. Что бы перемостить? Ребят у вас много, в одной второй ступени 500 человек, сумели бы?

— А-то не сумели бы, — отвечает он.

— Так что ж?

— Дело не наше, пусть коммунхоз делает...

— Скучно в школе, говоришь? а радио есть?

— Нет.

— Почему?

— Учителя не показывают.

— А ты бы сам; у нас в Москве ребятишки сами умеют делать, а ты из Емельяновки и не умеешь.

— Сделал бы, да показать некому, интересно, раз на Невском слушал, — говорит он.

— Журналы читаешь: «Пионера», «Смену, «Вожатый»? Там есть.

— Нет этих журналов у нас, а учителя не показывают, у нас только «Новый Робинзон».

Я не видел «Нового Робинзона», но старого читал, там нет указаний о радио, может быть, его нет и в новом? И почему это Ленинград любит «Воробья», «Нового Робинзона», а члены редакционной комиссии договорились до того, что возражают против помещения детских статей и писем в этом журнале за подписью маленьких авторов? Не педагогика ли это эпохи старого Робинзона? Но это — мимолетные мысли, а мальчонка шагает дальше и говорит о скучной школе, где нет работы.

— Вот огороды у вас большие, уйма работы, а ты говоришь — в школе труда нету? На огородах школа работает?

— Нет, а вот и школа, вас давно сегодня, с 10 еще ждут,—сказал мальчик.

Мы распрощались. А мысли ползли длинной вереницей вновь. Громадные огороды, большие пустыри, больше сотни преподавателей в школе—и школа не видит огородов, не приходит на помощь в этом деле рабочим. Как относятся рабочие к школе? звучал вопрос.

А вот и учительница, которая вчера так ярко и красочно говорила о том, что для них все это — «пройденная ступень», а вот и председатель учебной части. Теперь я все узнаю подробней и точнее. Не зря ли наболтал мне этот бойкий мальчонок с смеющимися глазами о школе?

— Мне хочется узнать об общественной работе школы, — говорю я. — В чем она выражается, как налажена?

— Ее у нас нет, времени, знаете ли, не хватает вести общественную работу, мы переводили школу на индустриально-технический уклон.

Но мне не хочется верить. Рядом фабрика. Не захудалая, не умирающая, а «Красный путиловец». Школа работает 12 лет. В ней 96% ребятишек—дети рабочих. Это—Ленинград, краса и гордость русской революции. Не хочется верить. И я подробно допрашиваю о жилищных условиях, о быте рабочих. И всюду наталкиваюсь

на глухую стену. Район не обследован, не изучен, данных в школе нет. И я перехожу к отдельным вопросам.

— Есть ли на фабрике в клубе уголок матери?

— Есть.

— Сколько ребят там бывает, кто обслуживает? Какое участие принимает в этом деле школа?

И слышу странный, ошеломляющий ответ:

— Мы против, мы принципиально против участия в этом деле.

— Почему?

— Ребята с 8 ч. вечера должны спать дома. Таскать по уголкам их преступно. Мы не можем поощрять этого и помогать в этом не должны. Вот почему наши дети не принимают участия в этом деле.

— Что же, матери в таком случае не должны ходить на лекции или детей запирать в пустых комнатах одних? — задаю я вопрос.

— Вы, пожалуй, правы, — отвечает заведующий методической частью и тотчас прибавляет: — Наши дети много времени уделяют зато политической работе. Сейчас идет подготовка к 1 мая. 16 ребят готовят один и тот же доклад и затем его одновременно сделают в 16 группах, у нас, вы увидите, — замечает он, — нет большой залы.

— А ленинский уголок, как там идет работа?!

— Вы его увидите.

Но я не увидел его. Кто-то унес ключ, и мы не попали в комнату. Но и не важно. В нее надо пройти через учительскую, она заперта на ключ, да и что может быть в ней, если школа не ведет общественой работы? А он продолжал:

— У нас есть связь с завкомом.

— С завкомом? В чем же?

— Бывают заседания, мы шефствуем над волостями.

— Вот это хорошо, — обрадовался я. — В чем же это шефство выражается? Сколько времени вы связаны, чем и как помогаете вы деревне, как далеко она?

— Не были ни разу, работа не намечена, даже волости нам не указаны завкомом, — жалуется он.

— А давно это идет?

— Уже несколько месяцев.

И он долго жалуется на то, что никак не удается наладить связь с заводом. «Еще бы, — думаю я, — зачем такая школа нужна заводу?» 96% рабочих ребятишек, некоторые учителя школы—инже-

неры завода, школа 12 лет работает, как много можно было бы сделать, а на практике никакой связи с заводом. При чем же тут программа ГУС'а? При чем тут вообще ГУС, при чем тут уголки Ленина, при чем тут политическое воспитание, если все это практикой, самой постановкой дела на деле отвергается.

Правда, школа принимает участие на площадке, на которой 300 ребят, это — *несомненное* достижение *и не маленькое*. Не единственное ли?

И я вместе с товарищами по работе обхожу здание школы. Смотрю залитые солнцем комнаты, площадку на дворе, гимнастический зал, библиотеку, где при мне выдают «Гайавату», и где нет ни «Пионера», ни «Смены», ни «Всжатого», физический кабинет, где имеется даже кинематографический аппарат, живой уголок, который смотрит окнами на огороды рабочих, может быть, уже 12 лет и никак не идет к ним на помощь, и думаю: «Они работают над программами ГУС'а. Где же намек на них?» А рядом со мной — интересный и умный мальчик, член комсомола, их 20 человек, они дружно живут с преподавателями. Я спрашиваю его:

— У вас здесь для рабочих строят 25 домов. Ваша школа с индустриально-техническим уклоном. Вы умеете проводить электричество? Почему бы вам под руководством преподавателя не взять на себя обязанность провести электричество в ряде домов?

— Это кустарщина, — слышу в ответ.

— А что делают члены ячейки? Какую общественную работу они несут?

— Мы *изучаем* политграмоту и ленинизм.

— А общественную работу несете какую-нибудь? — повторяю вопрос.

— Вы и представить себе не можете, как они перегружены теоретической работой, — отзывается рядом стоящий учитель.

— Это верно, — говорит комсомолец, — у нас не остается для нее времени; впрочем, мы теперь организуем кооператив.—И он подробно рассказывает историю вопроса и ряд предположений.

— Будете брать паевые и членские взносы? — спрашиваю.

— Конечно, — отвечает он.

— И скидку членам будете делать?

— Да.

— А не членам?

— Нет.

— Что же у вас выходит? Вступят только *наиболее* имущие, им вы и скидку будете делать, а неимущим нет, расслоение выйдет на богатых и бедных, и помогать будете богатым, разве это по-ленински?

— Что же делать, нам надо скопить первоначальный капитал, взаймы его нам никто не даст.

И это — наиболее авторитетный из 20 комсомольцев, имеющихся в школе, где 521 ребенок во второй и 1 875 в первой ступени (школа находится в нескольких зданиях).

Но школа работает и работает интенсивно. В ней ведется не только классная работа в дневные часы, у нее есть и клубные занятия, есть много кружков, среди них и физико-технический кружок, а в нем группа радио-любителей. Их 18 человек. Они сделали 2 приемника. Но работают они в пределах школы, дальше не простирается их влияние. Не *эти цели они себе ставят*. Практика, помощь их интересуют мало. У них совсем иной уклон. Кружковая работа — часть общей учебной работы школы, сюда выносятся темы для дальнейшей проработки, детализации и т. д. Это та же классная работа, с той же теоретической установкой. Я долго допрашивал заведующего научно-методической частью о *целевой* установке клубной работы и выяснил именно это: кружковая работа — «подсобная» работа классной; самостоятельной цели кружки и клубная работа не имеют. Здесь та же теория, нет здесь с.-х. кружка, который *помогал бы* вносить улучшение в постановку огородного дела, который бы работал *вне* стен школы. Нет радиокружка, который бы радиофицировал Емельяновку, скажем, который давал бы консультацию и т. д. Нет кружка по санитарии, который помогал бы вносить в жизнь новое,—школа выше всех этих «мелочей», она решает более серьезную проблему. Какую же?

Индустриально-технический уклон. Большое каменное здание. В полуподвальном этаже слесарная мастерская, кузница, а в здании рядом столярная, обувная, типография, есть и переплетная и швейная. Последние две в зачаточном состоянии. Гремят машины, кипит работа. Маленький, недурно оборудованный завод.

— Видите, мы только еще начинаем разворачивать работу, — говорит заведующий. — Наше оборудование стоит не меньше ста тысяч, ежемесячная выручка 25 000 рублей, мы связаны с Вологдою, с Смоленском и другими городами, им поставляем обувь, — продолжает он.

И он водит нас по всем мастерским и под грохот машин рассказывает о том, что мастерская становится на ноги, приносит определенный доход. «Но при чем тут школа, при чем тут дети, — думаю, я, — где они? Они теряются в массе взрослых. Какова цель этих мастерских?» И каждому под ряд в разных формах я задаю тот же самый вопрос:

— Вы говорите, что материальное положение школы плохо. Что же, скажите, цель этих мастерских — подвести под школу экономическую базу? — спрашиваю я, — или есть еще какие-то другие цели? Может быть, ребята из школы идут на фабрику, и здесь в этих мастерских вы даете им необходимую квалификацию, профессиональные навыки? Связаны ли мастерские с заводом и как? — донимаю я каждого.

— Цель мастерских — дать общеобразовательные знания, — получаю ответ. — Наша школа общеобразовательная. — А навыки? Куда вы денете ребят по окончании школы, куда пойдут они? В Вуз? Но Ленинград получил 100 мест всего. На завод? Но ребята не подготовлены. На улицу?

Не поняли, даже обиделись, долго и упорно говорили об общеобразовательном значении мастерских и упорно жаловались на старших ребят, которые проводят в них большее количество времени, чем это полагается, от чего страдают теоретические занятия.

— Здесь контора, но это не интересно, — продолжал заведующий мастерскими.

— Почему же не интересно? — отвечаю я. — В ней разве не работают ребята?

— Нет.

— А жаль, ведь здесь так много материала.

И я начал подробно спрашивать о том, как связано преподавание обществоведения с работою в мастерской.

— У вас работает 50 рабочих? — спрашиваю я. — Знают ли об этом дети, знают ли они, сколько получают рабочие, какова прибыль мастерской, откуда она получается, чему равна себестоимость товара и т. д., и т. д.?

Нет, преподавание обществоведения никак не связано с работою в мастерской. Почему же говорят об общеобразовательном значении мастерской? Почему не проследят на ней, откуда получается сырье, какие стадии обработки оно проходит, куда и как сбывается, за сколько, почему не знакомятся с вопросами калькуляции, с организацией мастерской и т. д.

Почему не увязана эта работа с Путиловским заводом? Правда, здесь намечаются некоторые нити связи. Типография школы должна будет обслуживать Путиловский завод. А остальное? Только одна швейная мастерская увязывает свою работу с потребностями и нуждами семьи. В ней девочки шьют платья для своих сестер, братишек и т. д. Может быть, поэтому здесь оживленно идет работа? Но в мастерских работает ничтожная доля ребят, а где остальные, почему они не втянуты в работу? Об этом молчит школа. Но заговорили машины, заговорили и дети, когда пришли в мастерскую с своими запросами, с запросами семьи, когда начали шить для нее платья, потом ботинки. Может быть, они поставят также вопросы и в области естествознания, и будут рваться сидячие комплексы, ломаться ненужная программа, на ноги ставиться основные вопросы, и вопрос о том, как *изменить*, как внести в окружающее улучшение, станет *основным* вопросом и *ответ* на него будут искать дети в лабораториях, кружках, мастерской и т. д.; может быть, поймут учителя тогда, что они не *дошли* еще до «малых» дел и не умеют их делать. А пока? Пока ряд кричащих противоречий, полная растерянность, полная непродуманность, полная несогласованность и изолированность школы. Школа не поняла до сих пор, что рабочие ждут от нее не болтовни, не теории, никак не связанных с жизнью, а *уменья* вместе с ними *пересоздавать*, перестраивать жизнь на новый лад, перестраивать умело и крепко, для чего нужны не знания *вообще*, а определенная сумма знаний и *умений*, и их-то обязана школа дать ребятам, но дать их она может только в *процессе* общественно-необходимой работы. Молодежь должна «*все* задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе, молодежь решала *практически* ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую» (Ленин).

Этого-то и не поняла Путиловская школа, поэтому-то она и отмахивается от «малых» дел, поэтому-то и живет в надзвездных мирах и *путается в противоречиях и не умеет* решить земных дел; поэтому-то и живет она в пустом пространстве и никак не может наладить связи с заводом в течение 12 лет, с заводом, на территории которого она живет; поэтому она и создает какие-то комиссии по налаживанию связи с заводом, вместо того, чтобы к ней подходить *через* конкретную, практическую, будничную, ежедневную общественно-полезную работу. Но разве Путиловская школа одинока? Разве большинство наших школ не сколок с нее? Она, конечно, безмерно богата по сравнению с нашей рядовой школой при фабрике. Ей *легче*,

безмерно легче наладить работу, но во всем остальном они типична. Она сосредоточила к тому же в себе ряд крупных педагогических сил, она имеет большие педагогические традиции, поэтому, может быть, она ярче, чем другие, говорит о том, что это — «пройденная» ступень. *Это говорит прошлое*, которое хватает и душит настоящее. Это прошлое мешает понять ей, что понять программы ГУС'а и осуществить их на практике — значит не что иное, как *уничтожить это прошлое* и осуществлять то, что кажется пройденной ступенью, но до чего школа на *практике* не дошла. Надо раз навсегда покончить с *разговорами* о больших делах и на этом основании не делать маленьких. Надо всем, наконец, научиться делать эти «маленькие» дела и тем помогать разрешать те основные, большие вопросы, которые перед нами стоят. В этом большая ценность программ ГУС'а. Правильно осуществленная, она *вплетает* в общую работу осуществления задач нашей революции маленькую, посильную работу школы. Но надо не забывать, конечно, основных задач, надо знать удельный вес этой работы, не надо в них видеть *весь* смысл, основную задачу.

Осмотр школы закончился. Я стою у остановки трамвая и жду. Болтают и смеются трое школьников. Я вступаю в разговор. Вновь спрашиваю о школе, о книгах, о том, что делают в классе, интересно ли. Мнения расходятся. Одна девочка лет 8 говорит — «интересно», другие, мальчик и девочка, недовольны, и как-то незаметно для меня разговор переходит к вопросам дисциплины. Я вспоминаю о том, что я забыл расспросить о наказаниях, что мало обратил внимания на то, что существует черная доска, о которой мне говорил член шуса, мальчонок лет 11, что на нее заносят за очень невинные вещи, и я спрашиваю:

— А вас наказывают в школе?

— Конечно, — отвечает мальчик.

— Как?

— В угол ставят и «просто ставят», — замечает девочка.

— Что это такое? — спрашиваю я.

— А так: не в угол, а к парте.

— И пионеров наказывают?

— А то как же, если балуются.

— И за дверь выгоняют, — откликается вторая девочка.

Подошел трамвай. Мы сели. «Все, что вы говорили, для нас пройденная ступень», вспоминаю я слова моего оппонента, учительницы этой школы. Разве эта школа — единственная?

Что надо прочесть по данному вопросу.

1. **Ленин.** Социалистическая революция и задачи просвещения.
2. **Шульгин.** В. И. Ленин о воспитании народных масс.
3. **Шульгин.** Школа и жизнь. Школа и наука. Новые школы в России. (Журнал «Народное просвещение», 1920 г., №№ 71—73. 74—75, 76—78).
4. **Пистрак.** Школа-коммуна Наркомпроса, 35—41 стр.
5. **Михельсон.** Опыт работы в деревне («На путях», № 1, 1925 г.).
6. **Толстов.** Трудовая школа.
7. **Соловьева.** Работа в деревне детей колонии имени Луначарской («На путях», № 1, 1925 г.).
8. **Мирандов.** Вопросы просвещения Ульянск. губ. (1924 г., № 1).
9. **Челюсткин.** Общественно-политическая работа в деревне одной из ленинградских школ («На путях», № 2, 1925 г.).
10. **Рубин.** Кооперативная кампания (там же).
11. **Шацкий.** Деревенские дети и работа с ними («На путях», №№ 1, 2, 3, 1925 г.).
12. **Шацкий.** Школа и быт деревни (там же, 1924 г., № 6).
13. **Пронин.** Из практики деревенской школы (там же, № 7—8).
14. **Воздвиженский.** Наша школа и «день леса» (там же, № 7—8).
15. **Духовский.** Хотьковская школа (там же, 1923 г., № 2—5).
16. **Алыпов.** Кто следующий (там же, 1924 г., № 1).
17. **Воронец.** Математика на службе деревни («Народный учитель», № 10, 1924 г.).
18. **Клосеп.** («Народный учитель», № 9, 1924 г.).
19. **Адамович.** Школа и быт («Народный учитель», № 11, 1924 г.).
20. Массовая методическая работа учителя («Вестник просвещения», № 12, 1924 г., Москва).
21. **Марзеев.** («Путь просвещения», № 7, 1924 г., Харьков).
22. **Лилина.** Школа и трудовое население.
23. **А. С.** В наступление («Учительская газета», № 22, 1925 г.).
24. **М. С. Бернштейн.** Что школа делает для населения.